148
694

II 66/420

К. Я. Гротъ.

148
694.

ОБЪ ИЗУЧЕНІИ
СЛАВЯНСТВА.

СУДЬБА СЛАВЯНОВѢДѢНІЯ
И ЖЕЛАТЕЛЬНАЯ ПОСТАНОВКА ЕГО ПРЕПОДАВАНІЯ
ВЪ УНИВЕРСИТЕТѢ И СРЕДНЕЙ ШКОЛѢ.

№ 24129.

БИБЛІОТЕКА
МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ
АКАДЕМІИ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Министерства Путей Сообщенія
(Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.
1901.

И 66/420

К. Я. Гротъ.

148/694.

ОБЪ ИЗУЧЕНІИ СЛАВЯНСТВА.

СУДЬБА СЛАВЯНОВѢДѢНІЯ

И ЖЕЛАТЕЛЬНАЯ ПОСТАНОВКА ЕГО ПРЕПОДАВАНІЯ

ВЪ УНИВЕРСИТЕТѢ И СРЕДНЕЙ ШКОЛѢ.

№ 24129.

БИБЛІОТЕКА МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Министерства Путей Сообщенія
(Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.
1901.

2007041091

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 16 ноября 1900 г.

Всесоюзная
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. ЛЕНИНА

ф 11355-43

СОДЕРЖАНІЕ.

Предисловіе 1
I. Историческій очеркъ развитія Славяновѣдѣнія 5
II. Русское общество и славянство 40
III. Знакомство со славянствомъ какъ необходимый элементъ средняго образованія 44
IV. Славяновѣдѣніе въ русскихъ университетахъ 49
Заключеніе 59

БИБЛІОТЕКА МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

Болѣе и болѣе пробуждающійся въ русскихъ людяхъ интересъ къ славянскимъ дѣламъ, къ политической и культурной жизни зарубежныхъ славянъ, съ другой стороны быстрые успѣхи распространенія русскаго языка на славянскомъ западѣ и югѣ и частое въ послѣднее время обсужденіе вопроса о роли его, какъ общелитературнаго и международнаго органа всѣхъ славянъ, недавнее обновленіе Славянскаго Благотворительнаго Общества, новый уставъ котораго открыто и опредѣленно ставитъ его цѣлью—„*содѣйствовать развитію славянской взаимности и духовному единенію славянъ съ Россіей*“, наконецъ, ожидаемая реформа русской средней школы въ національномъ духѣ, т. е. постановка ея на самобытную русскую, а слѣдовательно и славянскую основу,—развѣ все это не утѣшительные признаки несомнѣннаго шага впередъ въ національномъ нашемъ развитіи, столь задержанномъ вѣковыми историческими условіями, а съ тѣмъ вмѣстѣ и въ культурномъ ростѣ всего славянскаго міра?

Не наступаетъ ли время, когда, благодаря новѣйшимъ успѣхамъ русскаго самосознанія, болѣе близкое и основательное знакомство со славянствомъ, становясь у насъ прямою потребностью, должно стать и необходимымъ элементомъ общаго образованія?

Столь живой вопросъ русской современности выдвигаетъ впередъ незаслуженно заброшенный и остававшійся у насъ въ тѣни и пренебреженіи предметъ, который отчасти вслѣдствіе такого равнодушнаго общественнаго къ нему отношенія не видѣлъ къ себѣ достаточнаго вниманія и поощренія и со стороны официальныхъ сферъ. *Славяновѣдѣніе*, къ сожалѣнію, до послѣдняго времени не пользовалось вовсе популярностью не только въ широкихъ кругахъ нашего образованнаго общества, но даже и въ наиболѣе просвѣщенныхъ, ученыхъ и литературныхъ сферахъ его.

Эта научная область (славистика), достигшая въ наше время и на западѣ широкаго развитія, чѣмъ значительно обязана дѣятельности и трудамъ цѣлой блестящей плеяды какъ западно-славянскихъ, такъ и русскихъ ученыхъ, имѣетъ у насъ свою мало отрадную, и тѣмъ болѣе поучительную исторію.

Взлелѣянная и поддержанная когда-то, въ начальную пору своего развитія, въ 20-хъ и 30-хъ годахъ XIX в., тогдашними лучшими русскими патріотами и руководителями отечественнаго просвѣщенія—кому не извѣстны незабвенныя имена Шишкова и гр. Румянцова?—обладавшими не только живымъ національнымъ чутьемъ, но и достаточною проницательностью и дальновидностью, эта наука въ послѣдующія эпохи и до нашихъ дней не находила себѣ болѣе сколько-нибудь замѣтнаго покровительства и поощренія со стороны высшихъ блюстителей образованія, а напротивъ, не разъ испытала ничѣмъ не оправдываемыя затрудненія и стѣсненія въ своемъ развитіи.

Вспомнимъ изъ болѣе отдаленнаго прошлаго хотя-бы отмѣну университетскихъ чтеній по славянской исторіи по поводу европейскихъ политическихъ событій 1848—1849 г., отразившуюся и на дальнѣйшей судьбѣ этого предмета въ

университетскомъ преподаваніи — несомнѣнно въ ущербъ успѣхамъ у насъ этой отрасли вѣдѣнія, а изъ недавняго— донынѣ остающееся въ силѣ непонятное приниженіе и умаленіе славистики въ системѣ университетскихъ курсовъ по послѣднему уставу—1884 года...

Неудивительно поэтому, что въ русскихъ университетахъ преподаваніе славяновѣдѣнія за послѣднія десятилѣтія не только не расширялось и не развивалось, а напротивъ даже сокращалось, тогда какъ въ то же время на Западѣ, не только у славянъ, но и въ Германіи и другихъ странахъ, эта каѳедра получала все болѣе простора и значенія, находя себѣ убѣжденныхъ приверженцевъ и ходатаевъ въ средѣ авторитетныхъ европейскихъ ученыхъ, а число иностранныхъ ея представителей (не славянъ) нынѣ все растетъ, а съ этимъ растетъ и западно-европейская славистическая литература.

Будемъ же надѣяться, что близится и у насъ лучшее время для славянской науки, что значеніе ея въ системѣ нашего общаго образованія, наконецъ, входитъ въ общее сознаніе и что какъ въ университетскомъ преподаваніи въ ближайшемъ будущемъ славистикѣ будетъ дана нормальная, болѣе широкая постановка (естественнымъ раздробленіемъ славянской каѳедры), такъ и въ средней школѣ преобразователи ея пойдутъ на встрѣчу этой назрѣвающей общественной и культурной потребности и введутъ въ школьныя программы хотя-бы начальные, необходимѣйшіе элементы славяновѣдѣнія, что̀ можетъ лишь способствовать желательной національзаціи школы.

Въ виду такого грядущаго значенія славянскихъ изученій, я позволяю себѣ предложить здѣсь читателямъ набросанный мною недавно сжатый очеркъ развитія славяно-

вѣдѣнія [1]), къ которому присоединяю прежнія свои случайныя замѣтки о важности этого предмета и новыя—о желательной нынѣ постановкѣ славистики въ университетахъ и о томъ, что нужно для ея популяризаціи.

Да послужатъ эти немногія страницы хоть сколько-нибудь уясненію вопроса о мѣстѣ, какое должно, наконецъ, занять въ образованіи и умственномъ кругозорѣ русскаго общества, въ его наукѣ и литературѣ, изученіе братскихъ народовъ, столь необходимое для его культурнаго и національнаго роста.

К. Г.

БИБЛІОТЕКА
МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ
АКАДЕМІИ.

[1]) Этотъ очеркъ, написанный для „Энциклопедическаго Словаря“ изд. Брокгауза, т. 59, подвергся въ „Словарѣ“ нѣкоторымъ редакторскимъ, всегда немного досаднымъ для автора сокращеніямъ. Тѣмъ болѣе я дорожу его издать въ полномъ и мѣстами даже нѣсколько распространенномъ видѣ. При всемъ томъ осталась и теперь нѣкоторая неравномѣрность въ изложеніи отдѣловъ, объяснимая тѣмъ, что при составленіи статьи принималось въ расчетъ существованіе въ „Словарѣ“ особаго очерка *русской славистики*.

I.

Историческій очеркъ развитія Славяновѣдѣнія.

Славяновѣдѣніе (славистика) — есть наука о славянствѣ въ его цѣломъ и въ частности о каждомъ членѣ племенной семьи славянской во всѣхъ проявленіяхъ его народнаго типа и его жизни въ прошедшемъ и въ настоящемъ, — есть всестороннее изученіе славянъ въ отношеніяхъ лингвистическомъ и этнологическомъ, археологическомъ и историческомъ, историко-литературномъ и фольклористическомъ, религіозномъ и церковно-историческомъ и проч. Впрочемъ всякая славянская народность въ обычномъ употребленіи нѣсколько ограничиваетъ объемъ понятія славистики выключая изъ него себя и разумѣя подъ нимъ всю область *инославянскихъ* изученій. Такимъ образомъ русское славяновѣдѣніе въ этомъ болѣе узкомъ смыслѣ заключаетъ въ себѣ изученіе всего заграничнаго, западнаго и южнаго славянства, а именно: галицкой, угорской и буковинской Руси, ляшской вѣтви съ ея развѣтвленіями (современными и вымершими, каковы балтійскія и полабскія), сербо-лужичанъ, чехо-моравянъ и словаковъ, сербо-хорватовъ съ ихъ разновидностями, словинцевъ (словенцевъ или хорутанъ) и болгаръ. Съ другой стороны въ область славяновѣдѣнія, въ особенности какъ науки о славянствѣ въ его совокупности, входитъ иногда тѣсно соединенное съ нимъ изученіе народностей, своей судьбой и исторіей неразрывно со славянствомъ связанныхъ и составляющихъ съ нимъ одинъ культурно-историческій міръ, а именно мадьяръ, румынъ, албанцевъ и т. д., хотя эти народности сами по себѣ въ этнологическомъ отношеніи конечно представляютъ объекты совершенно самостоятельнаго изученія.

Не смотря на многовѣковую политическую и культурную жизнь славянства, носящую яркую печать національной самобытности, славяновѣдѣніе

въ современномъ строгомъ значеніи этого слова есть наука еще очень молодая, лишь со 2-й пол. XIX в. ставшая на прочное основаніе и овладѣвшая надежными научными методами. Причины этой отсталости въ изученіи славянства, насколько она не зависѣла отъ довольно поздняго разцвѣта филологической науки вообще, кроются главнымъ образомъ въ разобщенности историческихъ судебъ славянства, въ его культурной разрозненности и сравнительно позднемъ развитіи общеславянскаго самосознанія. Только съ наступленіемъ въ концѣ XVIII и въ нач. XIX в. эпохи національнаго возрожденія у славянъ, въ связи съ общеевропейскими умственными и политическими теченіями, съ пробужденіемъ среди западныхъ славянъ сильнаго интереса къ взаимному сближенію и изученію и благодаря успѣхамъ историко-филологическихъ наукъ на Западѣ, особенно въ Германіи, стала создаваться и быстро развиваться наука славяновѣдѣнія, при чемъ не обошлось безъ существеннаго вліянія нѣмецкой философской мысли на область славянскихъ историческихъ изученій и нѣмецкой лингвистической школы на направленіе и успѣхи собственно-славянской филологіи.

Тѣмъ не менѣе проблески славянскаго самосознанія и интереса славянъ другъ къ другу, начатки взаимныхъ славянскихъ изученій обнаруживались довольно рано, и можно отмѣтить рядъ любопытныхъ фактовъ изъ этой области начиная съ конца XIV в. До этого, идя вглубь вѣковъ, мы встрѣчаемся лишь съ очень рѣдкими и одинокими проявленіями славянскаго самопознанія и взаимнаго интереса, и только на зарѣ славянской культурной исторіи мы видимъ такое поразительно-крупное и знаменательное явленіе этого рода, какимъ была дѣятельность великихъ апостоловъ-просвѣтителей славянства, свв. Кирилла и Меѳодія, которые должны быть по справедливости признаны и первыми замѣчательными славистами. Они первые изучили славянскіе языки и обогатили славянъ такими книжными сокровищами, которыя одни были въ состояніи духовно и литературно сблизить и связать ихъ и оказались самымъ прочнымъ средствомъ и проводникомъ славянскаго культурнаго единенія на всѣ времена. Впослѣдствіи у всѣхъ народовъ славянскихъ первые шаги въ области ознакомленія съ соплеменниками связываются съ интересомъ къ плодамъ трудовъ свв. Кирилла и Меѳодія, къ языку церковно-славянскому, къ старо-славянской письменности, а также съ изученіемъ своей первоначальной исторіи. Непосредственный же интересъ къ своимъ сородичамъ, къ ихъ жизни, быту и языку долго игралъ еще очень незначительную роль. Лучшимъ примѣромъ такого ранняго славянскаго самопознанія на почвѣ интереса къ древнеславянскому языку и письменности и изученія прошлаго своей родины является нашъ Несторъ, или авторъ начальной лѣто-

писи, который преподалъ своимъ соотечественникамъ первые уроки славянской этнографіи и бытовой старины. Что касается Западной Европы и сосѣдей славянъ, то у нихъ временный и случайный интересъ къ славянству, возбуждаемый внѣшними отношеніями и политикой, не вызывалъ до новѣйшихъ временъ сколько-нибудь обстоятельныхъ изученій и въ результатѣ далъ въ прошедшемъ лишь рядъ болѣе или менѣе цѣнныхъ историческихъ свидѣтельствъ о славянахъ съ древнѣйшихъ временъ въ лѣтописяхъ и хроникахъ Западной Европы, византійцевъ, арабовъ и проч.

Отмѣтимъ главнѣйшіе историко-литературные факты, характеризующіе начальный фазисъ славянскихъ изученій съ конца XIV в. и до 2-й пол. XVIII в.

Интересъ къ соплеменникамъ, всегда обусловливаемый подъемомъ національнаго самосознанія, ранѣе всего естественно пробудился въ народѣ, условія существованія и исторіи коего всего болѣе способствовали развитію этого самосознанія, и въ ту эпоху, когда обстоятельства дали ему особенно сильный толчокъ. Это было въ *Чехіи* въ XIV в. и нач. XV в. Въ дѣлѣ ознакомленія чеховъ съ инославянскимъ міромъ извѣстную роль сыгралъ фактъ призыва хорватскихъ монаховъ-глаголитовъ въ пол. XIV в. Карломъ I (IV) въ основанный имъ Пражскій Эмаусскій монастырь и введеніе тамъ глаголическаго богослуженія. Вскорѣ затѣмъ начавшееся въ Чехіи гуситское движеніе создало болѣе благопріятную почву для расширенія интересовъ къ славянству. Чешскіе ученые книжники пораженные сходствомъ «словѣнскаго» языка священныхъ книгъ хорватской редакціи съ своимъ роднымъ языкомъ, пускаются въ сравнительно-филологическія сближенія (Янъ Голешовскій, 1397). Самъ Гусъ въ трудахъ по реформѣ чешскаго правописанія обнаруживаетъ знакомство съ южнославянской фонетикой, а Іеронимъ Пражскій въ своихъ странствованіяхъ имѣлъ случай практически ознакомиться съ славянскими нарѣчіями. Свѣдѣнія о славянствѣ распространялись въ Чехіи особенно широко благодаря чешскимъ братьямъ, ихъ путешествіямъ въ славянскихъ земляхъ и религіознымъ сношеніямъ въ теченіе XV и XVI вв. Въ XVI-мъ можно усмотрѣть первые зачатки славянской филологіи, а именно знакомство съ другими славянскими нарѣчіями въ трудахъ нѣкоторыхъ лучшихъ представителей чешскаго гуманизма, какъ напр. у Сигизмунда Грубаго изъ Еленья (въ его словарѣ 4-хъ языковъ, Λέκικον σύμφονον, гдѣ есть сближеніе чешскаго съ польскимъ и южнославянскими языками), который, живя въ Базелѣ, много сносился съ разными славянами, а также у чешско-братскихъ ученыхъ. Здѣсь первымъ является знаменитый Янъ Благославъ (1523—1571), авторъ обширной чешской грамматики съ сравнительными указаніями на другія славянскія нарѣчія (1571 изд. 1857) и съ любо-

пытными разсужденіями о ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, далѣе Матвѣй Бенешовскій († послѣ 1590), обнаруживающій въ своихъ филологическихъ трудахъ (1580-хъ гг.) еще большія познанія въ славянскихъ нарѣчіяхъ и достаточно опредѣленно выраженныя чувства національнаго самосознанія, и многр. друг. Но такое славянское направленіе мыслей должно было ослабѣть въ XVII в., въ тяжелую, мрачную эпоху послѣ политическаго и національнаго паденія Чехіи (1620). Однако, и въ это время славянское чувство не совсѣмъ исчезло изъ лучшей части общества и проявляется въ трудахъ немногихъ патріотовъ-ученыхъ той поры: Богуслава Бальбина († 1688), Пешины изъ Чехорода (1680), Павла Страńскаго (1657), нѣсколькихъ чешскихъ филологовъ (Роса, Горчичка), словака Кермана (нач. XVIII в.) и друг.

У *поляковъ*, благодаря ихъ довольно центральному въ славянствѣ положенію и давнимъ многоразличнымъ сношеніямъ съ сосѣдями, славянское сознаніе пробудилось также довольно рано и сказывается, особенно съ XVI в. (но и ранѣе), какъ въ ихъ политической жизни, такъ и у ихъ писателей, публицистовъ и особенно лѣтописцевъ и географовъ, удѣлявшихъ значительное вниманіе славянскимъ народамъ, ихъ политической жизни и взаимнымъ отношеніямъ. И знакомство съ другими славянскими языками дѣлаетъ у поляковъ успѣхи въ ту же пору, и въ XVI в. польскіе филологи (Мончинскій, Пашковскій, Статорій) обнаруживаютъ такое знакомство, хотя и не въ той мѣрѣ, какъ современные имъ чехи. Любопытны напр. разсужденія о славянскихъ языкахъ у Л. Гурницкаго («Dworzanin polski» 1566).

Такой же интересъ до нѣкоторой степени проявляется и у *южныхъ славянъ* въ XVI и XVII вв., а именно у хорватовъ, далматинцевъ и словенцевъ, жившихъ въ болѣе культурныхъ и благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ ихъ восточные братья (подъ турками). Всего замѣтнѣе это у хорвато-далматинскихъ писателей — монаховъ (босанскихъ францисканцевъ, такъ наз. «глаголяшей» и у іезуитовъ, напр. Комуловича, Леваковича, Крижанича), а также у реформатскихъ дѣятелей (конца XVI в.) — словенцевъ (П. Труберъ, С. Креллъ, Ю. Далматинъ, А. Богоричъ и др.) и хорватовъ. Но самое выдающееся и исключительное явленіе въ этомъ отношеніи представляетъ знаменитый хорватскій панславистъ XVII в. *Юрій Крижаничъ*, бывшій и первымъ замѣчательнымъ славистомъ своего времени (род. 1617, ум. въ концѣ XVII в.). Обладая замѣчательными способностями, получивъ превосходное образованіе, изучивъ славянскіе языки и славянство изъ непосредственныхъ сношеній и наблюденій, а главное проникшись до глубины души идеей славянской взаимности, горячей любовью къ славянству и страстнымъ желаніемъ послужить его благу, Кри-

жанічъ измѣнилъ своей первоначальной миссіонерской карьерѣ въ римско-католическомъ смыслѣ, подчинилъ интересы вѣроисповѣдные національно-культурнымъ интересамъ всего славянства, какъ цѣлаго, и ставъ ревностнымъ пропагандистомъ идеи славянскаго единенія подъ главенствомъ Россіи, посвятилъ себя служенію ей всѣми трудами своими (не взирая на постигшую его тяжелую долю—15-лѣтнюю ссылку въ Сибирь). Его замѣчательный трудъ, грамматика русскаго языка, представляя интересную попытку создать идеальный всеславянскій литературный языкъ (изъ смѣси хорватскаго съ русско-славянскимъ), при всей несостоятельности основной идеи, есть знаменательное явленіе по мысли и по исполненію въ исторіи славяновѣдѣнія. До него и гораздо позже въ этой области нельзя указать ничего подобнаго этому сочиненію Крижанича и нѣкоторымъ другимъ его трудамъ, напр. «Политикѣ» и пр. Можно думать, что дѣятельность Крижанича въ Россіи, не смотря на свою преждевременность и всѣ неблагопріятныя условія, не осталась безслѣдною и заронила добрыя сѣмена. Наступившая вскорѣ затѣмъ эпоха Петра Великаго и его реформъ — вмѣстѣ съ его славянскими сношеніями служитъ тому подтвержденіемъ.

Еще до Крижанича свѣдѣнія о славянахъ и ихъ нарѣчіяхъ проникали на *Русь*, къ русскимъ книжникамъ и грамотеямъ двоякимъ путемъ: посредствомъ церковно-славянскаго языка и посредствомъ усвоенія церковной и вообще старой славянской письменности, шедшей къ намъ отъ югославянъ (болгаръ и сербовъ) и черезъ поляковъ (при посредствѣ юго-западной Руси), съ которыми московская Русь была въ XVI—XVII вв. въ столь разнообразныхъ и постоянныхъ сношеніяхъ. Привившаяся у насъ западно-русская школа принесла съ собой и свѣдѣнія о славянахъ. Такъ называемые азбуковники (родъ энциклопедическихъ словарей) заключали въ себѣ начальные элементы славяновѣдѣнія. Но интересъ русскихъ къ славянству сталъ гораздо живѣе въ эпоху преобразованій Петра Великаго, благодаря его широкому взгляду и геніальной проницательности, сказавшимся въ его неоднократныхъ сношеніяхъ съ славянами (вспомнимъ его сношенія съ Лейбницемъ). Возбужденный къ нимъ интересъ сталъ съ тѣхъ поръ хотя и медленно увеличиваться въ русскомъ обществѣ, особенно у передовыхъ людей науки и литературы, выдвинутыхъ эпохой реформъ. Тутъ слѣдуетъ помянуть знаменитаго В. Татищева († 1750), удѣлявшаго въ своихъ трудахъ (въ «Исторіи Россійской», «Разговорѣ о пользѣ наукъ и училищъ») подобающее вниманіе и славянскимъ племенамъ.

Со 2-й пол. XVIII в. славянскія изученія вступаютъ въ новый, болѣе сознательный и болѣе научный фазисъ; но прошелъ еще почти цѣлый вѣкъ до зарожденія истинно-научнаго славяновѣдѣнія, т. е. цѣлаго цикла

наукъ о славянахъ на твердой почвѣ строгой исторической критики и сравнительнаго славянскаго языкознанія.

II въ этомъ второмъ фазисѣ *Чехи* идутъ впереди другихъ славянъ въ историческихъ и филологическихъ занятіяхъ славянствомъ. Уже въ 1745 г. появляется первый серьёзный трудъ о происхожденіи славянъ — Я. Хр. Іордана (De originibus slavicis) — съ сравнительными замѣчаніями о языкахъ славянскихъ. Затѣмъ славянской филологіей (исторіей) занимались М. Шимекъ (1778), словакъ М. Бель († 1749) и Ю. Папанекъ (1780) и наконецъ съ особеннымъ успѣхомъ Ф. Дурихъ (1738 — 1802; его «Bibliotheca slavica etc.» 1795), во многомъ бывшій предшественникомъ Добровскаго, ему многимъ обязаннаго. Приблизительно тогда же (въ 60 и 70-хъ гг. XVIII в.), выступилъ съ своими замѣчательными трудами отецъ чешской критической исторіи Геласій Добнеръ (1719—1790) своими мнѣніями о происхожденіи славянъ и чеховъ возбудившій полемику въ чешскихъ и польскихъ ученыхъ кружкахъ. По его стопамъ пошли и другіе историки: выдвинулся (въ 1780 и 90-хъ гг.) Ф. Пельцель (1734—1801), появились труды Публички (1770), незабывающаго и славянской исторіи, Фойхта и др. Наконецъ въ ту же пору начинаетъ свое славное ученое поприще и великій «патріархъ славистики» Іосифъ Добровскій (1753 — 1829), приступившій къ изученію славянскихъ языковъ и древностей съ чрезвычайно обширной для того времени подготовкой и рѣдкой основательностью.

У *поляковъ* также были въ это время (въ концѣ XVIII в.) люди, интересовавшіеся славянской исторіей и древностью (Мощенскій, кн. Іос. Яблоновскій, Ст. Клечевскій, А. Нарушевичъ, Я. Потоцкій и др.), но научныя занятія славянской филологіей начались у нихъ съ трудовъ младшаго современника Добровскаго, знаменитаго лексикографа Линде († 1847), тогда какъ въ области славянской исторіи и древности, рядомъ съ Доленга-Ходаковскимъ, Маевскимъ, Раковецкимъ и Бандтке (всѣ перв. четв. XIX в.), первое мѣсто принадлежитъ Л. Суровецкому (1760—1827), осторожныя и критическія изслѣдованія котораго приготовили намъ Шафарика.

У *Южныхъ славянъ* успѣхи славяновѣдѣнія росли вмѣстѣ съ развитіемъ исторіографіи, которая особенно у хорватовъ и въ Далмаціи представляла довольно выдающіяся явленія и ранѣе, съ конца XVI в. и до начала XVIII в.: достаточно назвать Ф. Врančича, и особенно дубровчанина Мавро Орбини († 1614), котораго всеславянская исторія на итальянскомъ языкѣ (1601) была переведена, какъ извѣстно, между прочимъ и на русскій языкъ и пріобрѣла большую популярность и распространеніе. По тому же пути пошли и другіе югославянскіе писатели XVII и

XVIII вв., напр., Црѣвичъ (Черва), Ю. Раткай, поэты П. Витезовичъ, Качичъ-Міошичъ. Между тѣмъ съ конца XVII в. начинается и научная обработка югославянской исторіи, особенно на основаніи византійскихъ изученій, и тутъ должны быть названы славныя имена словинца І. В. ф. Вальвасора (Ehre des Herzogthums Krain, 1689), далматинца П. Лучича («De regno Dalmatiae et Croatiae», 1666) и дубровчанина А. Бандури («Imperium orientale», 1711), а къ ихъ трудамъ примыкаютъ работы нѣсколькихъ иностранцевъ по южнославянской и византійской исторіи, занимающія почетное мѣсто въ исторіи славистики. Это — французъ Шарль Дюканжъ († 1668, его «Illyricum vetus et novum etc.» 1746) и итальянцы Фарлати («Illyricum sacrum» съ 1751) и Ассемани («Calendaria ecclesiae universae», 6 частей 1755). Тогдашніе историки славянства особенно любили вращаться въ области славянской исторической древности и въ темныхъ вопросахъ происхожденія славянъ и исторической этнографіи. Кромѣ уже названныхъ выше назовемъ еще въ XVIII в. болгарина-іезуита Я. Пеячевича, дубровчанина П. Джоржича, С. Дольчи, К. Грубишича, далѣе словинца Ант. Линхарта (Исторія Крайны 1788 — 91), серба Ю. Бранковича (нач. XVIII в.), болгарина Паисія (1762) и, наконецъ, сербскаго архимандрита І. Ранча (1726 — 1801), автора обширнаго и популярнаго труда «Исторія разныхъ словенскихъ народовъ etc». (В., 1794 — 95). Еще заслуживаютъ упоминанія труды Микоци (1806) и Катанчича († 1825). Въ собственно-филологической литературѣ южныхъ славянъ, посвященной изученію языковъ славянскихъ въ XVIII в., хотя и можно бы назвать нѣсколько именъ, но ничего особенно выдающагося мы не можемъ отмѣтить.

Въ *Россіи* болѣе критическое отношеніе къ исторической разработкѣ своего прошлаго и сообразно съ этимъ удѣленіе вниманія судьбамъ славянства начались съ трудовъ Татищева; но въ этомъ отношеніи наибольшія заслуги принадлежатъ дѣйствовавшимъ у насъ (въ академіи наукъ) нѣмцамъ: Миллеру (о Несторѣ 1755, ум. 1783), Штриттеру, автору свода византійскихъ извѣстій о славянахъ («Memoria populorum etc.» 1771), Кругу († 1844), Лербергу и, въ особенности, славному А. Шлецеру (1735—1809), который своими критическими трудами надъ начальною лѣтописью (Несторомъ), вообще разработкой древней русской исторіи (и исторіи всей сѣв. Европы), своимъ возбужденіемъ интереса къ славяновѣдѣнію далъ сильный толчекъ нашей исторической наукѣ и потому занимаетъ въ ней особенно видное мѣсто. Съ другой стороны, много послужили дѣлу пробужденія національнаго сознанія и національнаго духа въ русскихъ историческихъ и филологическихъ изученіяхъ геніальный М. Ломоносовъ (1711—1765) и нѣкоторые русскіе усердные, хотя и менѣе критическіе

историки, какъ Эминъ, Елагинъ, Щербатовъ, авторъ «Исторіи Россійской» (1770, 1792) и Болтинъ, авторъ «Критическихъ примѣчаній на исторію Леклерка и Щербатова» (1788, 1793).

Внѣ славянства интересъ къ его изученію также значительно возросъ во второй половинѣ XVIII в., главнымъ образомъ въ Германіи, въ связи съ политическими условіями и съ успѣхами тамъ особенно процвѣтавшей исторіографіи. Нѣмцы не могли не интересоваться судьбами и народностью тѣхъ своихъ сосѣдей, въ земли которыхъ издавна направлялся ихъ вѣковой Drang nach Osten. Не говоря о болѣе раннихъ и второстепенныхъ ученыхъ работахъ и не повторяя сказаннаго о нѣмецкихъ ученыхъ въ Россіи, приведемъ лишь наиболѣе извѣстныя имена: лужицкаго нѣмца К. Антона, автора кн. «Versuch über die alten Slaven» (1783) и другихъ сочиненій, Тунмана (1772), Гебгарди, съ его обширной, хотя и крайне пристрастной въ нѣмецкомъ духѣ исторіей славянъ (въ 1790-хъ гг.), І. Энгеля, угро-австрійскаго историка, автора большого сочиненія «Geschichte des Ungar. Reiches u. seiner Nebenländer», Ропера (объ австрійскихъ славянахъ, 1804), Гаке (Hacquet), Цейса (Zeuss, «Die deutschen u. die Nachbarstämme», 1837), Ф. Аделунга, интересовавшагося и славянскими нарѣчіями, и проч. Но особенное вліяніе оказалъ на изученіе славянскихъ древностей знаменитый нѣмецкій философъ І. Гердеръ (1744 — 1803. жившій нѣкоторое время въ Россіи), именно своимъ трудомъ «Ideen zur Geschichte der Menschheit» (1784). Онъ относился къ славянству съ замѣчательнымъ безпристрастіемъ и сочувствіемъ, совершенно исключительными въ нѣмецкой и вообще въ западноевропейской наукѣ (см. кн. В. П. Ламанскаго: «Объ истор. изученіи греко-славянскаго міра»), и выступилъ съ новымъ философскимъ воззрѣніемъ на національный характеръ и исторію славянъ, сильно имъ идеализованные,—воззрѣніемъ, которое было усвоено современными славянскими историками, вкоренилось глубоко и надолго, и оставило яркій слѣдъ въ славянской исторической наукѣ. Гердеръ сталъ главнымъ учителемъ послѣдующихъ славянскихъ поколѣній и ихъ національныхъ дѣятелей и ученыхъ: его идеи усвоили себѣ у чеховъ: Добровскій, Шафарикъ, Юнгманъ, Палацкій и др., у словаковъ Колларъ и Штуръ, у поляковъ Суровецкій, Бродзинскій и пр., у насъ — Карамзинъ, Надеждинъ, Шевыревъ, Максимовичъ, отчасти славянофилы, у южныхъ славянъ—В. С. Караджичъ и пр. Это вліяніе совпало съ новымъ подъёмомъ силъ и оживленіемъ въ наукѣ славяновѣдѣнія, вызванными тѣмъ могучимъ движеніемъ, которое началось съ конца XVIII в. и которое мы называемъ *національнымъ возрожденіемъ* славянъ.

Но до перехода къ нему необходимо охарактеризовать ученаго, который

началъ свое поприще раньше и къ самому возрожденію славянъ относился скептически, но тѣмъ не менѣе совершилъ въ смыслѣ его подготовки очень много и прослылъ по заслугамъ «патріархомъ» славистики. *Іос. Добровскій* (1753 — 1829) — одинъ изъ творцевъ славянской филологической науки въ широкомъ ея смыслѣ: своими осторожными и глубококритическими изслѣдованіями, при своей разносторонней и основательной подготовкѣ, онъ поставилъ на истинно-научную (въ предѣлахъ тогда возможнаго) почву обработку вопросовъ славянскихъ древностей, исторіи, этнографіи, литературы и языковъ. Его труды главнымъ образомъ вызвали интересъ къ славянскимъ изученіямъ въ западно-европейской (особенно нѣмецкой) наукѣ; онъ основалъ западную школу славистики, которую можно противопоставить восточной — русской. Цѣлый рядъ капитальнѣйшихъ вопросовъ: о происхожденіи славянъ, о главнѣйшихъ фактахъ первоначальной чешской исторіи, о дѣятельности Кирилла и Меѳодія, о славянскомъ богослуженіи у чеховъ, о бытовыхъ особенностяхъ славянъ, о старой славянской письменности, о глаголицѣ, старо-славянскомъ языкѣ, взаимныхъ отношеніяхъ и группировкѣ славянскихъ нарѣчій, судьбахъ старой чешской литературы и проч. выдвинутъ и критически разсмотрѣнъ Добровскимъ; для успѣшнаго ихъ рѣшенія имъ собраны богатыя данныя и заложено твердое основаніе. Онъ первый положилъ начало научной разработкѣ чешскаго языка въ связи съ другими славянскими нарѣчіями и проложилъ путь для дальнѣйшихъ изслѣдованій по славянской сравнительной филологіи. Самый замѣчательный его трудъ «Institutiones linguae slavicae veteris dialecti (1822), вмѣстѣ съ современными ему трудами славнаго Востокова, направилъ разработку древне-славянскаго языка на вѣрную дорогу. Но Добровскій былъ не только сухимъ ученымъ, но и горячимъ славянолюбцемъ (хотя писалъ почти только по-латыни и по-нѣмецки), живо интересовавшимся славянскимъ вопросомъ. Издавъ руководство къ изученію русскаго языка, онъ послужилъ и практически дѣлу славянской взаимности. Вторая половина его жизни совпала уже съ начальной эпохой западно-славянскаго національнаго (духовнаго и литературнаго) возрожденія. Тѣмъ сильнѣе сказалось вліяніе Добровскаго на дальнѣйшіе успѣхи славяновѣдѣнія.

Пробужденіе національнаго чувства, особенно въ народахъ угнетенныхъ, и вообще выступленіе въ жизни политической и духовной, какъ могучаго рычага, — національнаго начала, въ связи съ ходомъ историческихъ событій въ Западной Европѣ въ концѣ XVIII в. и съ эволюціей европейскихъ идей и понятій, обнаружились естественно всего раньше и сильнѣе у тѣхъ славянъ, у которыхъ въ прежней ихъ исторіи національное сознаніе было наиболѣе развито и было лишь насильственно подавлено и заглушено народно-политическими бѣдствіями.

Опять впереди западныхъ славянъ мы видимъ *чеховъ*: одушевленные мыслью о своемъ возрожденіи и гердеровскими воззрѣніями на славянство, они начинаютъ мечтать о всеславянскомъ единеніи и о славянской взаимности, и выставляютъ изъ среды своей въ первой половинѣ XIX в. рядъ блестящихъ служителей этой идеи въ области филологическихъ и историческихъ наукъ. Эти ученые чехи становятся главными создателями новаго научнаго славяновѣдѣнія, въ то время какъ ихъ братья словаки, болѣе пылкіе и непосредственные въ своемъ увлеченіи и менѣе дисциплинированные въ наукѣ, развиваютъ тѣ же идеи общеславянскаго возрожденія и сліянія — въ поэтическихъ созданіяхъ (Колларъ) и въ философскихъ построеніяхъ въ славянофильскомъ духѣ (Штуръ). Блестящую плеяду чешскихъ ученыхъ, которымъ славистика особенно обязана своими успѣхами, составляютъ Іос. Юнгманъ, Шафарикъ, Ганка, Челяковскій и Палацкій. Хотя главные труды *Юнгмана* (1773 — 1847), монументальный Словарь чешскаго языка — по образцу польскаго словаря Линде — и Исторія чешской литературы, принадлежатъ спеціально чешской научной области и непосредственно послужили подъёму чешскаго народнаго самосознанія, но несомнѣнно ихъ значеніе шире въ славянскомъ смыслѣ (въ словарѣ не оставляются безъ вниманія и другія славянскія нарѣчія), и притомъ ими далеко не исчерпывается дѣятельность Юнгмана, другими своими трудами и мнѣніями сильно способствовавшаго развитію идеи славянской взаимности (напр., пропагандой необходимости единаго литературнаго языка для славянъ) и поднявшаго общеславянскій интересъ въ чешской наукѣ.

Истинно-гигантскія услуги славяновѣдѣнію въ самыхъ широкихъ рамкахъ оказалъ безсмертный *Шав. Іос. Шафарикъ* (1795 — 1861), достойный продолжатель многообъемлющихъ славянскихъ изученій Добровскаго. Нѣтъ почти отрасли славистики, въ которой наука не была бы обязана Шафарику крупнымъ шагомъ впередъ. Исторія славянскихъ литературъ и нарѣчій, древнѣйшая историческая судьба славянъ, историческая и современная этнографія, древности быта, письменности и языка всѣхъ славянъ, старая и новая литература у разныхъ славянъ и народная поэзія — все это попеременно занимало пытливый геніальный умъ Шафарика, и плоды его основательныхъ и глубокомысленныхъ изысканій являются въ длинномъ рядѣ образцовыхъ и замѣчательныхъ трудовъ и монографій, надолго опредѣлившихъ дальнѣйшій ходъ изслѣдованій по всѣмъ главнымъ предметамъ и вопросамъ славистики. Самымъ капитальнымъ трудомъ Шафарика безспорно должно признать его «Славянскія Древности» (1837; русск. пер. Бодянскаго 1848). Этотъ высоко-цѣнный трудъ сталъ исходной точкой и основой для всѣхъ послѣдующихъ историческихъ разысканій этого рода. Его вполнѣ оцѣнила и западная историческая наука. Изъ дру-

гихъ трудовъ Шафарика сыграли такую же важную роль его «Geschichte d. Slav. Sprache u. Literatur nach allen Mundarten», Ofen 1826, какъ первый опытъ обработки всего извѣстнаго тогда въ этой области матеріала, его «Славянское народописаніе» («Slovanský Narodopis», 1842, съ картой, русск. пер. Бодянскаго 1843), его изданія и изслѣдованія, касающіяся древней письменности у юго-славянъ, глаголической письменности и происхожденія этого письма, исторіи сербскаго языка («Serbische Lesekörner», 1833), расцвѣта болгарской письменности, далѣе его исторія юго-славянскихъ литературъ («Geschichte der südslavischen Literatur», изд. I. Пречкомъ 1864 — 65 гг.) и проч. Съ глубокою ученостью Шафарикъ (словакъ по происхожденію) соединялъ и горячее славянское чувство и увлеченіе идеей славянской взаимности, которой онъ старался служить и въ практической жизни, напр., подвизаясь на педагогическомъ поприщѣ въ Новомъ Садѣ, среди сербовъ. Своими многообразными учеными и литературными сношеніями въ славянскомъ мірѣ Шафарикъ пріобрѣлъ такую ученую репутацію, что его звали, какъ извѣстно, не только въ Россію, но и на славянскія каѳедры въ Вратиславль и Берлинъ [1]). Но онъ предпочелъ Чехію и Прагу.

Въ практической сферѣ для дѣла славянской взаимности и для развитія славянскихъ изученій въ Чехіи — съ успѣхомъ поработалъ *Вяч. Ганка* (1791—1861), большой другъ всѣхъ пріѣзжавшихъ въ Чехію славянъ и особенно русскихъ. Многочисленными своими трудами, изданіями и переводами въ области старо-чешской литературы, церковно-славянскаго языка и славянскихъ нарѣчій онъ несомнѣнно принесъ пользу славяновѣдѣнію, а его живыя, дѣятельныя сношенія съ инославянскими учеными и общественными дѣятелями и особенно его хлопоты у русскихъ государственныхъ людей, адм. А. С. Шишкова и графа С. С. Уварова, объ учрежденіи славянскихъ каѳедръ въ русскихъ университетахъ навсегда тѣсно связали его имя съ судьбами славистики какъ на его родинѣ, такъ и въ Россіи. Его нѣсколько загадочная дѣятельность, какъ хранителя рукописей чешскаго музея, въ смыслѣ навлеченныхъ имъ на себя подозрѣній въ фальсификаціи старыхъ памятниковъ (Зеленогорской, Краледворской рукописей, Еванг. Іоанна и др.), нѣсколько омрачаетъ его ученую славу, но этотъ грѣхъ, характерный для той эпохи, если дѣйствительно Ганка въ немъ повиненъ, заслуживаетъ нѣкотораго снисхожденія, въ виду той патріотической цѣли — поднятія національнаго самосознанія и духа въ народѣ, ради которой онъ совершался. *Фр. Л. Челяковскій* (1799—1852), хотя и занималъ каѳедру славянской филологіи сперва въ Вратиславлѣ, а

[1]) См. ниже въ гл. IV о его планахъ славянскихъ каѳедръ въ Пруссіи и въ Прагѣ.

потомъ въ Прагѣ, былъ болѣе поэтъ, чѣмъ строгій ученый; но если онъ и не оставилъ глубокаго слѣда въ славянской наукѣ, то въ свое время все-же способствовалъ успѣхамъ славянскихъ изученій своими этюдами по сравнительной славянской грамматикѣ и пособіями для практическаго изученія славянскихъ языковъ и литературъ. Всего же важнѣе его собранія славянскихъ народныхъ пѣсенъ и пословицъ и связанная съ этимъ изученіемъ народной поэзіи — его собственная поэтическая въ народномъ духѣ дѣятельность, вдохновенные плоды которой одушевляли не одно современное ему поколѣніе славянъ ко взаимному сближенію и духовному единенію.

Послѣ Шафарика самые обильные и цѣнные вклады въ славяновѣдѣніе, особенно въ область исторіографіи, сдѣлалъ творецъ монументальной чешской «Исторіи», великій патріотъ и политическій вождь чеховъ *Францъ Палацкій* (1798—1876). Помимо высокихъ научныхъ достоинствъ его изслѣдованій, впервые вводившихъ у чеховъ истинно ученые методы въ историческія и архивныя изысканія, его Исторія имѣетъ и общеславянское значеніе. Палацкій охватываетъ своимъ широкимъ историческимъ взглядомъ весь міръ славянскій и выясняетъ точки соприкосновенія и связи чешской исторіи съ судьбами другихъ славянъ, которымъ удѣляетъ всегда большое вниманіе. Палацкій впервые установилъ истинную точку зрѣнія на историческую роль Чехіи, на ея отношенія къ германству, на главнѣйшіе моменты ея исторической и культурной жизни, ея національной борьбы за политическую и культурную независимость и религіозную свободу (на гуситское движеніе, общину чешскихъ братьевъ). Онъ съ геніальною проницательностью бросаетъ свѣтъ на темныя страницы историческаго прошлаго всего западнаго славянства. Конечно, нѣкоторые его взгляды и толкованія, устарѣвъ съ раскрытіемъ новыхъ матеріаловъ, не выдержали критики, или страдали нѣкоторою тенденціозностью, но въ свое время и они сыграли свою роль, возбудивъ мысль къ новымъ изслѣдованіямъ и вызвавъ работу современной исторической критики. Онъ создалъ цѣлую школу историковъ у себя дома и несомнѣнно косвенно двинулъ историческія изученія и у другихъ славянъ.

О бокъ съ названными корифеями и по ихъ стопамъ шло у чеховъ (и словаковъ) много другихъ даровитыхъ и усердныхъ ученыхъ и литературныхъ дѣятелей, которые съ успѣхомъ продолжали плодотворные труды своихъ старшихъ сотоварищей и учителей по славистикѣ. Таковы вдохновенный поэтъ Я. Колларъ (1793—1852; его «Slavy dcera»), собиратель народной поэзіи и глубокій мыслитель Л. Штуръ (1815—1856), Я. Вочель (писатель и археологъ, † 1871), К. Я. Эрбенъ (этнографъ и историкъ, † 1870), В. Небесскій (историкъ литературы, † 1878), П. Ганушъ († 1869), А. В. Шембера (†) и проч.—все дѣятели 1-ой пол. XIX в. Здѣсь же надо вспомнить, что такіе факты въ исторіи чешскаго націо-

нальнаго возрожденія и науки, какъ основаніе, благодаря усиліямъ и жертвамъ чешскихъ патріотовъ (гр. Коловрата, гр. Штернберга), Чешскаго народнаго Музея (1818) и Ученаго при немъ общества, а позже (1831) Чешской Матицы, и открытіе знаменитыхъ памятниковъ чешской литературы (изъ которыхъ важнѣйшіе, къ сожалѣнію, оказались позже поддѣльными) не преминули сильно воздѣйствовать на оживленіе инославянскихъ интересовъ у чеховъ и на ростъ славянской науки: создался прочный и дѣятельный ученo-литературный центръ, притягивавшій вниманіе и интересы другихъ славянъ и помогавшій развитію ученыхъ, литературныхъ и личныхъ связей и сношеній между славянами запада, востока и юга.

У *поляковъ* въ этотъ періодъ славянскія изученія занимали гораздо болѣе скромное мѣсто, но и у нихъ было нѣсколько выдающихся ученыхъ (историковъ), обогатившихъ славистику цѣнными вкладами. Таковы историки славянскаго права В. Мацѣевскій (1792 — 1870) съ его «Исторіей славянскихъ законодательствъ» и другими изслѣдованіями по общеславянской исторіи, А. Кухарскій († 1862), авторъ «Старѣйшихъ памятниковъ славянскаго законодательства», Р. Губе († 1890) и др. Сюда же относятся нѣкоторые труды польскихъ историковъ: І. Лелевеля († 1861), Шайнохи († 1868), позже Шуйскаго и др. Славянская филологія и литература стала интересовать поляковъ уже позже, а труды такихъ ученыхъ, какъ Фр. Малиновскій († 1881), А. Малэцкій, Вал. Краснискій, А. Ходзько, литвина П. Паплонскаго etc. принадлежатъ уже болѣе новой эпохѣ. Нельзя пройти молчаніемъ славянскихъ занятій геніальнаго польскаго поэта А. Мицкевича, читавшаго и издавшаго въ Парижѣ лекціи по исторіи и литературѣ славянскихъ народовъ, которыя, правда, имѣли свою спеціальную польскую окраску и тенденцію, но въ дѣлѣ ознакомленія Запада и въ частности французовъ со славянствомъ сослужили хоть нѣкоторую службу.

Говоря о чехахъ и полякахъ, нельзя не упомянуть, что въ сокровищницу развивавшейся науки о славянствѣ внесло тогда свою скромную лепту и маленькое племя *сербо-лужичанъ*, которые, занятые своимъ собственнымъ литературнымъ возрожденіемъ, служили по мѣрѣ силъ и общеславянской идеѣ. Такъ, извѣстный ученый ихъ Я. П. Іорданъ издавалъ въ 40-хъ гг. славянское періодическое изданіе «Slavische Jahrbücher» и популяризовалъ славистику у себя дома и у нѣмцевъ. Затѣмъ онъ и позже Н. Смоляръ редактировали «Slav. Centralblatt».

У *южныхъ славянъ*, съ одной стороны придавленныхъ ярмомъ турецкимъ, съ другой — мадьярскимъ государственнымъ режимомъ, политическими и національными притязаніями мадьяръ, національная идея и стремленіе къ духовному возрожденію — въ связи съ политической борьбой — приняли широкій размахъ, но, направленныя всецѣло на свои мѣстныя

нужды и цѣли и окрашенныя болѣе своими домашними племенными розиями и счетами, они не пріобрѣли здѣсь такого общеславянскаго характера, какъ у чеховъ, почему и оказали менѣе услугъ славистикѣ въ широкомъ объемѣ. Зато сербохорватская его область сдѣлала крупные успѣхи. У православныхъ сербовъ, послѣ трудовъ Досиѳея Обрадовича (1739 — 1811), занимаетъ исключительное по значенію мѣсто дѣятельность знаменитаго *Вука Стефановича Караджича* (1787 — 1864), открывшаго сокровища сербскаго пѣсеннаго міра и познакомившаго ученый европейскій міръ также съ другими видами южнославянскаго творчества и съ народнымъ бытомъ; сюда же примыкаютъ труды нѣкоторыхъ другихъ писателей, какъ напр. Л. Мушицкаго († 1837) etc.; у хорватовъ нѣсколько позже подвизается талантливый вождь «иллирскаго возрожденія» *Людевитъ Гай* (1809 — 1872), литературный объединитель югославянъ («иллировъ») въ языкѣ, способствовавшій своей реформой дальнѣйшему успѣшному развитію юго-славянской ученой литературы. Хорватское національно литературное движеніе нашло себѣ отзвукъ и у *словенцевъ*, которые могутъ гордиться такими дѣятелями, какъ Ярникъ, Водникъ и пр., и еще болѣе тѣмъ, что дали славяновѣдѣнію такихъ творцовъ науки славянскаго языкознанія, какими были вѣнскіе слависты—Копитаръ и Миклошичъ. У *болгаръ* національное и литературное возрожденіе, вслѣдствіе тяжелыхъ политическихъ условій, началось значительно позже; по тѣмъ же причинамъ болгарская отрасль славистики начала развиваться внѣ предѣловъ Болгаріи и главнымъ образомъ неболгарскими учеными, каковы карпаторуссъ Ю. Венелинъ (1802—1839), Шафарикъ, Караджичъ, позже Григоровичъ, Гильфердингъ, Бруиъ etc. Изъ болгаръ стали извѣстны С. И. Палаузовъ († 1872), архим. Неофитъ, потомъ Цанковъ, Каравеловъ, Геровъ и др.

Въ *Россіи*, какъ мы видѣли, интересъ къ славянству и его изученію былъ до начала XIX в. довольно слабъ даже въ ученыхъ кругахъ. Болѣе замѣтные шаги въ русскомъ славяновѣдѣніи и оживленіе славянскихъ интересовъ, по крайней мѣрѣ въ наиболѣе просвѣщенныхъ кружкахъ русскаго общества, относятся къ эпохѣ 20-хъ и 30-хъ гг. XIX в. — въ связи отчасти съ непосредственнымъ ознакомленіемъ многихъ выдающихся русскихъ людей съ южными и западными нашими соплеменниками во время военныхъ походовъ и частныхъ путешествій (А. И. Тургеневъ, А. С. Кайсаровъ, Д. Н. Бантышъ-Каменскій, В. Б. Броневскій, позже П. Кеппенъ и др.), отчасти — съ возраставшими научными интересами къ исторіи древне-русской письменности, къ церковно-славянскому языку и къ источникамъ русской книжности. Тутъ играютъ первенствующую роль труды А. Х. *Востокова* (1781—1864), основателя и патріарха русской славистики, котораго монументальные труды по старославянскому языку и старымъ

памятникамъ достаточно извѣстны; К. Ѳ. Калайдовича (1792—1832; его «Іоаннъ экзархъ болгарскій» 1824), проложившаго путь для историко-литературныхъ славянскихъ изученій; П. И. Кеппена (1793—1864, издателя «Библіографическ. Листовъ» съ 1825); М. Т. Каченовскаго (1775—1842) и другихъ. Всѣ эти серьёзныя начинанія обязаны своими успѣхами главнымъ образомъ почину и покровительству двухъ выдающихся государственныхъ людей и меценатовъ—А. С. Шишкова и канцлера графа Н. П. Румянцова. *Шишковъ*, (1754—1841), побывавъ самъ въ славянскихъ земляхъ и завязавъ сношенія съ западно-славянскими славистами, много работалъ надъ утвержденіемъ славянскихъ научныхъ интересовъ въ Россіи. Незабвенны его хлопоты объ основаніи славянскихъ каѳедръ въ русскихъ университетахъ, его приглашенія славянскихъ ученыхъ въ Россію, его мысль объ учрежденіи «Славянской Библіотеки» при Россійской академіи. *Гр. Румянцовъ* (1754—1825) особенно покровительствовалъ работамъ и изысканіямъ въ области древнерусской письменности и русско-славянской филологіи. Но истинный расцвѣтъ русскаго славяновѣдѣнія былъ вызванъ учрежденіемъ славянскихъ каѳедръ въ русскихъ университетахъ, совершившимся уже при гр. С. С. Уваровѣ (1835) и отправкой въ славянскія земли молодыхъ ученыхъ, предназначенныхъ для занятія этихъ каѳедръ. Эта мѣра дала Россіи первыхъ замѣчательныхъ русскихъ славистовъ: Бодянскаго, Прейса, Срезневскаго и Григоровича. Много помогла также практическая дѣятельность по сближенію со славянами нашихъ московскихъ славянолюбцевъ и славянофиловъ: особенно Погодина, Елагина, Валуева, Шевырева и др.

Мы видѣли выше, какую роль сыграли въ исторіи славистики національное движеніе и славянская идея у австрійскихъ славянъ, этотъ могущественный рычагъ въ духовномъ ихъ возрожденіи. Эта славянская идея, принеся богатые плоды на полѣ чистой, объективной науки, способствовала тѣмъ самымъ введенію славянскихъ филологическихъ изученій въ сферу западно-европейской и прежде всего германской науки. Посредниками въ этомъ дѣлѣ явились нѣкоторые славянскіе ученые, которые или брали орудіемъ своей ученой дѣятельности нѣмецкій и латинскій языки (какъ Добровскій), или обстоятельствами и мѣстомъ своей дѣятельности были поставлены на болѣе нейтральную почву, на которой ихъ труды были болѣе доступны для всего западно-европейскаго ученаго міра. Такой нейтральной почвой послужилъ ученый кругъ австрійской столицы Вѣны съ ея учеными учрежденіями, бывшей въ извѣстной мѣрѣ умственнымъ центромъ и мѣстомъ встрѣчъ и сношеній для западныхъ и южныхъ славянъ, а также средоточіемъ многихъ литературныхъ славянскихъ предпріятій. Однимъ изъ первыхъ посредниковъ между славянской наукой и западно-европейской, послѣ Добровскаго, явился его вѣнскій ученый другъ и дѣятельный корреспондентъ

словинецъ *Варѳ. Копитаръ* (1780 — 1844), занимающій одно изъ первыхъ мѣстъ въ исторіи славянской филологической науки. Человѣкъ большихъ лингвистическихъ дарованій, сильнаго критическаго ума и обширныхъ историческихъ и филологическихъ свѣдѣній, Копитаръ, начавъ свои занятія въ области своего роднаго языка (его замѣчательная «Grammatik der slav. Sprache in Krain, Kärnten u. Steiermark» 1808), по переселеніи въ Вѣну, расширилъ свои научные интересы въ сферу другихъ славянскихъ нарѣчій и языковъ народностей связанныхъ со славянствомъ (вмѣстѣ съ личными сношеніями съ славянами, греками, румынами, албанцами), и занявъ мѣсто въ Придворной библіотекѣ, у самаго источника богатыхъ филологическихъ матеріаловъ, онъ всецѣло посвятилъ себя славистикѣ. Труды его, хотя и не очень многочисленные, выдаются крупными научными достоинствами и сильно подвинули рѣшеніе многихъ вопросовъ славянской филологіи. Высоко цѣнны его «Glagolita Clozianus», «Hesychii glossographi discipulus» etc., Prolegomena къ изд. Реймскаго Евангелія Сильвестра и пр., наконецъ его мелкія статьи («Kopitars Kleinere Schriften», изд. Миклошича). Онъ — родоначальникъ теоріи паннонскаго (словинскаго) происхожденія церковно-славянскаго языка. Въ исторіи славистики имѣютъ большую цѣну поддержка, оказанная Копитаромъ В. С. Караджичу въ его замѣчательной дѣятельности, ученая корреспонденція Копитара съ Добровскимъ и другими славистами, какъ богатый научный матеріалъ, его съ самаго начала скептическое отношеніе къ чешскимъ литературнымъ открытіямъ (подлогамъ), его пропаганда мысли о созданіи въ Вѣнѣ центра славистическихъ изученій и объ основаніи славянской каѳедры въ вѣнскомъ университетѣ и т. д. Осуществленія послѣдней мысли онъ не дождался. Оно произошло въ 1849 г., когда его сотрудникъ и ревностный ученикъ, Ф. Миклошичъ, занялъ въ Вѣнѣ эту каѳедру и достойно продолжалъ дѣло своего учителя и роль его въ славянской филологической наукѣ, какъ австрійскаго слависта и посредника между славянской и нѣмецкой (или западно-европейской) наукой.

Со второй пол. XIX в. славяновѣдѣніе вступаетъ въ послѣдній, новѣйшій фазисъ своей исторіи: славянская филологія, войдя въ сферу западно-европейской науки и вооружившись ея пріёмами и средствами, главнымъ образомъ сравнительнымъ методомъ изслѣдованія, получила прочную и широкую постановку и стала разрабатываться общими дружными усиліями своихъ ученыхъ представителей на университетскихъ каѳедрахъ въ Россіи, у западныхъ и южныхъ славянъ, въ Вѣнѣ, Вратиславѣ, Лейпцигѣ, Берлинѣ и другихъ западныхъ центрахъ. Въ Германіи учрежденіе нѣсколькихъ славянскихъ каѳедръ относится уже къ началу 1840-хъ гг. Успѣхи, сдѣланные на западѣ сравнительнымъ языкознаніемъ именно къ этому времени, съ появле-

нѣмъ знаменитыхъ трудовъ В. Гумбольдта, Потта (особ. по литовскому языку), Боппа, впервые воспользовавшагося матеріаломъ старославянскаго языка (сравнительная грамматика и сравнительный глоссарій), и Я. Гримма (исторія нѣмецкаго языка), убѣдительно доказали необходимость ввести въ кругъ сравнительно-арійскаго языкоизслѣдованія не только литовскій, но и славянскіе языки, незнакомство съ которыми составляло до той поры существенный пробѣлъ въ западной наукѣ и тормозило ея развитіе. Ученый, которому, послѣ Боппа, особенно обязана европейская наука, а съ другой стороны и славяновѣдѣніе введеніемъ въ науку сравнительнаго языкознанія славянскаго лингвистическаго матеріала (прежде всего старославянскаго языка) былъ *Авг. Шлейхеръ* (1821 — 1868), знаменитый авторъ «Compendium d. Vegleich. Gramm. d. indogerman. Sprachen» (1861). Занятіе каѳедры въ пражскомъ университетѣ (1849) было благопріятнымъ условіемъ въ ученой карьерѣ Шлейхера, изучившаго здѣсь чешскій языкъ и послѣдовательно приступившаго къ выполненію плановъ, намѣченныхъ имъ себѣ еще въ Боннѣ, гдѣ онъ былъ приватъ-доцентомъ, именно къ изученію славянскаго и литовскаго членовъ арійской семьи языковъ. Но кромѣ капитальныхъ работъ по сравнительному языкознанію, доставившихъ ему всесвѣтную славу, Шлейхеръ написалъ рядъ самостоятельныхъ изслѣдованій спеціально по славянскому языковѣдѣнію (напр. «Formenlehre der kirchenslav. Sprache») и тѣмъ упрочилъ свое значеніе и въ славянской наукѣ. Шлейхеръ открылъ путь для плодотворныхъ изысканій слѣдующаго поколѣнія европейскихъ лингвистовъ и подготовилъ новую школу нѣмецкихъ славистовъ (Лескинъ, П. Шмидтъ, Бецценбергеръ), и съ этого времени славянскимъ изученіямъ отводится равноправное мѣсто въ западно-европейской филологической наукѣ.

Заслуги и честь въ этомъ важномъ дѣлѣ раздѣлятъ по справедливости со Шлейхеромъ и другой великій ученый, его современникъ — знаменитый вѣнскій славистъ, ученикъ Капитара *Францъ Миклошичъ* (1813 — 1891), одно изъ первыхъ свѣтилъ славистики. Миклошичъ, уже въ 40-хъ годахъ заявившій себя нѣсколькими работами (рец. сравнит. грамм. Боппа) отличнымъ филологомъ, вступилъ на вновь учрежденную славянскую каѳедру въ вѣнскомъ университетѣ въ 1849 г. (почти одновременно со Шлейхеромъ въ Прагѣ), и съ этихъ поръ начинается его неутомимая плодотворная дѣятельность въ области славянской филологіи въ очень широкихъ рамкахъ. Основанная какъ разъ передъ тѣмъ (1848) Вѣнская академія наукъ въ тотъ же годъ объявила на соисканіе преміи тему: «Сравнительная грамматика славянскихъ нарѣчій», исходя изъ глубоко сознанной повсюду великой потребности въ такомъ трудѣ, который восполнилъ бы значительный пробѣлъ въ европейскомъ языкоизслѣдованіи и «довершилъ бы

циклъ гармоническихъ грамматикъ для трехъ величайшихъ европейскихъ племенъ», а также изъ той мысли, что «систематическое славянское языкознаніе есть наука выросшая и глубоко развившаяся въ Австріи, преимущественно благодаря трудамъ Дуриха, Добровскаго и Копитара»... и что Австрія, съ которой связана судьба старо-славянской письменности и въ которой живутъ столько славянъ и говорятъ на столькихъ языкахъ славянскихъ, призвана способствовать разрѣшенію такой задачи. И вотъ Миклошичъ смѣло взялъ на себя эту задачу.

Одаренный тонкимъ филологическимъ чутьемъ, большимъ талантомъ анализа и критики, а вмѣстѣ съ тѣмъ и замѣчательнымъ трудолюбіемъ, основательностью и кропотливостью въ работѣ, и пріобрѣтя огромныя и разносторонніе свѣдѣнія по своей спеціальности, Миклошичъ всю свою душу вложилъ въ дѣло разработки сравнительной славянской грамматики, въ разысканіе и изданіе матеріаловъ по разнымъ отдѣламъ славяновѣдѣнія и оставилъ намъ такое огромное и цѣнное ученое наслѣдіе, котораго было бы достаточно для прославленія нѣсколькихъ славистовъ. Въ исторіи славистики ему принадлежитъ поэтому исключительно-выдающееся мѣсто, и долго нельзя будетъ ступить шагу въ области славянской филологіи, не прибѣгая къ тѣмъ или другимъ трудамъ Миклошича. Конечно, самымъ капитальнымъ и классическимъ его трудомъ является его «Vergleichende Grammatik d. slav. Sprachen» (4 тома, частью перевед. Шляковымъ подъ ред. Р. Брандта), къ которой примыкаетъ рядъ трудовъ по церковно-славянскому языку (грамматика, большой словарь), далѣе многочисленныя изданія памятниковъ языка, литературы, исторіи, затѣмъ разысканія о славянскихъ элементахъ въ чужихъ языкахъ (мадьярскомъ, албанскомъ, новогреческомъ, цыганскомъ и т. п.), мелкія филологическія изслѣдованія, наконецъ, интересныя работы въ области южнославянскаго эпоса и вообще народнаго творчества, славянской этнографіи и проч. Въ своихъ научныхъ взглядахъ и ученыхъ теоріяхъ, да и въ своихъ австрійскихъ симпатіяхъ, Миклошичъ шелъ непосредственно по стопамъ учителя своего, Копитара, и унаслѣдовалъ у него между прочимъ и паннонскую теорію старословинскаго происхожденія церковно-славянскаго языка. Какъ профессоръ, Миклошичъ былъ также очень дѣятеленъ и создалъ многихъ выдающихся учениковъ, въ томъ числѣ своего преемника по вѣнской каѳедрѣ (съ 1885), достойнаго продолжателя и наслѣдника его по значенію дѣятельности и по славѣ — И. В. Ягича.

Между тѣмъ въ *Чехіи* по пути, проложенному ея корифеями славистики, пошли ихъ ученики и преемники, и со 2-й пол. XIX в. выдвинулись новые талантливые ученые слависты, какъ въ лингвистическомъ, такъ и въ историческомъ направленіи. Таковы въ области языкознанія М.

Гаттала (р. 1821), родомъ словакъ, ученикъ Шлейхера, извѣстый отличными работами по славянскимъ нарѣчіямъ (особ. по чешско-словенскому языку); Я. Гебауеръ (р. 1838), посвятившій себя главнымъ образомъ историческому изученію чешскаго языка («Историческая грамматика чешскаго языка»); Л. Гейтлеръ (1847—1885), даровитый профессоръ сравнительнаго славянскаго языкознанія въ Загребѣ, извѣстный своей «Старо-болгарской фонологіей», своими литовскими изслѣдованіями и изданіями старославян. памятниковъ; А. Маценауеръ («О чужихъ словахъ въ славянскихъ языкахъ») и др. Въ историческомъ направленіи трудились у чеховъ кромѣ Воцеля и Шемберы — братья Іос. и Гермен. Пречки и принадлежащій уже къ новому поколѣнію сынъ Іосифа, извѣстный историкъ болгаръ К. Пречекъ (р. 1854); далѣе В. Кржижекъ (р. 1832), авторъ синхроническаго обзора славянской исторіи; І. Первольфъ (1841 — 1891), лучшій изслѣдователь исторіи междуславянскихъ отношеній (принадлежащій и русской наукѣ); Ф. Коржинекъ; извѣстный историкъ Іос. Л. Пичъ и др. Впрочемъ въ Чехіи славянскія изученія въ послѣднія десятилѣтія сильно отстали, при чемъ не безъ вліянія были всепоглощающая внутренняя партійная борьба и нѣкоторыя политическія настроенія среди молодыхъ чешскихъ историковъ и писателей (въ духѣ національнаго сепаратизма), идущія въ разрѣзъ со старыми чешскими традиціями.

О славянскихъ изученіяхъ у *поляковъ* не приходится много распространяться. Инославянскіе научные интересы были у нихъ до послѣдняго времени очень слабы, а труды болѣе извѣстныхъ польскихъ славистовъ примыкали донынѣ или къ русской славистикѣ, или къ современной нѣмецкой школѣ славянской филологіи (каковы напр. труды Нернига, Брюкнера и др., о которыхъ ниже). Самымъ выдающимся изъ первой категоріи является *И. Бодуэнъ де Куртене* (р. 1845), весьма талантливый славянскій лингвистъ. Пройдя школу славянской филологіи въ Петербургѣ у Срезневскаго, онъ провелъ нѣсколько лѣтъ ученой командировки за границей, а затѣмъ занималъ каѳедры славянскихъ нарѣчій или сравнительнаго языкознанія въ Казани, Дерптѣ (Юрьевѣ), недавно въ Краковѣ, а нынѣ выступаетъ приватъ-доцентомъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Работы Бодуэна де Куртене посвящены главнымъ образомъ исторіи славянскихъ языковъ (о древне-польскомъ языкѣ до XIV в.), славянской діалектологіи (о резіанскихъ говорахъ), славянской филологической библіографіи (программы университетскихъ чтеній). Изъ подвизающихся еще въ Россіи польскихъ славистовъ назовемъ А. А. Крымскаго, К. Аппеля, С. Л. Ипашицкаго, Ш. Л. Лося.

У *южныхъ славянъ* (особ. сербохорватовъ) труды Вука С. Караджича и Копитара, основаніе въ Вѣнѣ славянской каѳедры и дѣятельность

Миклошича сильно оживили общеславянскіе ученые интересы и приготовили рядъ выдающихся славянскихъ филологовъ и историковъ. Тутъ первое мѣсто занимаетъ знаменитый сербохорватскій филологъ, послѣдователь Вука и ученикъ Миклошича *Ю. Данничъ* (1825 — 1882), дѣйствовавшій сперва въ Бѣлградѣ, а потомъ въ Загребѣ и пріобрѣвшій своими трудами по грамматикѣ, фонетикѣ, исторіи языка и лексикографіи славу перворазряднаго слависта-языковѣда, а родной языкъ свой поставившій на первое мѣсто среди другихъ славянскихъ по разработанности и глубинѣ изученія. Его «Облици срп. и хрв. језика», «Историја облика», «Основе» и «Корни» — считаются классическими трудами. Онъ же началъ изданіе большого сравнительнаго словаря сербохорватскаго языка, который по его смерти продолжаетъ издавать другой отличный хорватско-славянскій филологъ П. Будмани (р. 1835), извѣстный и другими работами по славянской филологіи. Ст. Новаковичъ (р. 1842) сдѣлалъ также не мало, главнымъ образомъ по изученію сербскаго языка, литературы и исторіи. Его труды занимаютъ почетное мѣсто въ области историческаго изученія всего южнаго славянства. Изъ ряда другихъ сербскихъ ученыхъ, работавшихъ преимущественно въ историческомъ направленіи, не выходя, впрочемъ, изъ предѣловъ южнаго славянства, назовемъ: П. Крстича, архим. П. Дучича († 1900), П. Сречковича, Д. и М. Медаковичей, П. Павловича, архим. Руварца, Ч. Міатовича и др. У хорватовъ дѣятельность Л. Гая (1809 — 1872) и его послѣдователей, вмѣстѣ съ успѣхами славистики въ Вѣнѣ (Миклошичъ), вызвали особенный подъёмъ ученыхъ и литературныхъ интересовъ въ области славистики и рядъ важныхъ ученo-литературныхъ предпріятій, которыя прочно поставили славянскую историческую и филологическую науку въ Загребѣ, ставшемъ центромъ этого движенія. Непосредственно къ «иллирскому» движенію примыкаетъ хорватскій патріотъ, политическій вождь и выдающійся ученый историкъ *Ив. Кукулевичъ-Сакцинскій* (1816—1889), своими трудами и покровительствомъ начинающимъ ученымъ много содѣйствовавшій развитію юго-славянской науки, историческихъ и историко-литературныхъ предпріятій. Ему принадлежатъ изданіе множества памятниковъ («Monumenta historica Slav. merid.», «Codex diplomat. и Jura regni Croat., Dalm. et Slav.», «Stari pjesnici hrv., XV — XVI v.»), рядъ историческихъ монографій и работъ по южнославянской библіографіи. Кукулевичъ-Сакцинскій основалъ «Общество югослав. исторіи и древности» и издавалъ важный въ югославянской исторіографіи «Arkiv za povjestnicu jugoslavensku» (1851 — 1875). У него были обширныя сношенія въ славянскомъ ученомъ мірѣ и онъ пользовался большимъ уваженіемъ. Самымъ важнымъ фактомъ въ исторіи югославянской науки было основаніе въ 1867 г., по почину и подъ покровительствомъ еписк

I. Штроссмайера, Югославянской академіи въ Загребѣ, ставшей центромъ и разсадникомъ ученыхъ силъ и производительности хорватскаго и далматинскаго юга. Въ ней сосредоточилась почти вся ученая дѣятельность хорватовъ и получили начало такія важныя въ славистикѣ изданія, какъ «Rad jugoslav. Akad.», «Starine», «Monumenta spectantia hist. slav. merid.», Stari pisci hrvatski» и друг. сборники.

Душой академіи, ея предсѣдателемъ и самымъ плодовитымъ и замѣчательнымъ ученымъ дѣятелемъ ея сталъ *Ф. Рачкій* (1828—1894), одно изъ яркихъ свѣтилъ славянской исторической науки. Его главная ученая дѣятельность вращается въ области югославянской исторіографіи, для которой онъ сдѣлалъ болѣе, чѣмъ кто-либо другой. Его труды по старой исторіи южныхъ славянъ и вообще Балканскаго полуострова, въ частности по сербохорватской исторіи пользуются высокимъ авторитетомъ и значеніемъ, обнаруживая строгій критическій умъ и обширную подготовку. Особенно цѣнны его труды по критикѣ старыхъ источниковъ. Ему принадлежитъ также длинный рядъ изданій историческихъ памятниковъ и старыхъ писателей и много работъ по славянской филологіи. Всѣ труды его огрѣты живымъ славянскимъ чувствомъ и идеей всеславянскаго братства и взаимности, которыхъ онъ былъ одушевленнымъ проповѣдникомъ. Онъ слѣдилъ за жизнью и литературой у всѣхъ славянъ и былъ живою связью Югославянской академіи со всѣмъ ученымъ міромъ славянскимъ. Изъ другихъ дѣятелей академіи выдавались: С. Любичъ, извѣстный историкъ и археологъ; А. Павичъ, историкъ литературы; П. Матковичъ, И. Ткалчичъ, М. Месичъ и др. Наконецъ, въ академіи же началась дѣятельность и П. В. Ягича, который, впрочемъ, занимаетъ совершенно исключительное мѣсто въ славянской наукѣ послѣ Миклошича и на ряду съ нимъ.

Имя и дѣятельность *И. В. Ягича* (род. 1838) играютъ первенствующую роль въ развитіи науки славянской филологіи за послѣднія 30 лѣтъ и даютъ о себѣ знать въ этомъ новомъ періодѣ едва-ли не на каждой страницѣ. По филологическимъ дарованіямъ, рѣдкому трудолюбію и плодовитости въ работѣ Ягичъ не уступаетъ своему учителю Миклошичу, который издавна намѣтилъ въ немъ себѣ преемника и возлагалъ на него большія надежды, которыя Ягичъ блестяще оправдалъ. Если онъ не создалъ такого цѣльнаго, исторически-монументальнаго труда, какъ Миклошичъ (чему причиной были болѣе внѣшнія обстоятельства), то тѣмъ не менѣе въ общемъ его заслуги славянской филологіи едва-ли уступаютъ заслугамъ Миклошича; пожалуй даже, онѣ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ настолько же разностороннѣе, насколько шире и разнообразнѣе самая ученая и профессорская дѣятельность Ягича. Съ значеніемъ Ягича въ западномъ и южномъ славянствѣ — въ области собственно филологической можетъ быть приравнено только значеніе

В. И. Ламанскаго въ исторіи новѣйшаго русскаго славяновѣдѣнія въ направленіи историческомъ. Оставивъ по независѣвшимъ отъ него обстоятельствамъ педагогическое поприще на родинѣ, Ягичъ искалъ возможно болѣе широкой для своихъ ученыхъ плановъ сферы дѣятельности, и съ начала 1870-хъ гг. начинается его профессорская дѣятельность за предѣлами отечества, именно сперва (1871—74) въ Одессѣ, потомъ въ Берлинѣ (до 1880), затѣмъ въ Петербургѣ (до 1885), пока, наконецъ, онъ не утвердился, послѣ Миклошича, окончательно въ Вѣнѣ. Эти перемѣны мѣстъ службы и научной обстановки совершались несомнѣнно въ нѣкоторый ущербъ единству и цѣльности дѣятельности Ягича и были, вѣроятно, главною причиною того, что ему до сихъ поръ не удалось сосредоточиться на какомъ-либо большомъ монументальномъ трудѣ; но съ другой стороны, это непосредственное ознакомленіе со славянскимъ міромъ, особенно съ Россіей и русской ученой средой, съ представителями нѣмецкой филологической науки и обширныя завязанныя имъ научныя сношенія оказали чрезвычайно благопріятное вліяніе на всю его дѣятельность въ интересахъ развитія славянскихъ изученій и по объединенію и умноженію силъ, посвящающихъ себя славянской филологіи на славянскомъ и европейскомъ западѣ. Въ этомъ отношеніи основаніе славянскаго ученаго органа (1876 г. въ Берлинѣ) «Archiv für Slavische Philologie», величайшая заслуга Ягича, составляетъ эпоху въ новой исторіи славистики: оно дало могучій толчокъ этой области вѣдѣнія, особенно на Западѣ, и окончательно связало ее съ западно-европейской филологической наукой. Такъ осуществилась мечта, которую давно лелѣяли западные слависты—Добровскій, Шафарикъ, Миклошичъ и др., какъ извѣстно, дѣлавшіе въ этомъ отношеніи нѣкоторыя попытки, не имѣвшія однако, успѣха («Slavin», «Slovanka», «Slav. Bibliothek» etc.). За 24 года своего существованія «Архивъ» далъ въ своихъ слишкомъ 20 томахъ такую богатую, высоко-цѣнную серію изслѣдованій, статей, матеріаловъ, критическихъ отзывовъ и рецензій, такую полную славянскую библіографію (съ 1870 г.), что сталъ не только главнѣйшимъ органомъ развитія западно-славянской филологіи, но и необходимѣйшимъ путеводителемъ и пособіемъ во всякихъ работахъ по славянской наукѣ и нужнѣйшей настольной книгой всякаго слависта. Самъ Ягичъ былъ дѣятельнѣйшимъ работникомъ въ журналѣ. Но какъ часто бываетъ, это несомнѣнно хорошее дѣло имѣетъ и свою обратную, тѣневую сторону. Нѣмецкій языкъ изданія сдѣлалъ его въ сущности достояніемъ и безъ того богатой нѣмецкой ученой литературы и отвлекъ много славянскихъ силъ отъ обогащенія славянской науки на родныхъ ихъ языкахъ, чему особенно способствовало отсутствіе подобнаго спеціальнаго всеславянскаго органа на русскомъ языкѣ. Между тѣмъ, русская ученая литература не разъ привлекала къ себѣ въ сотрудники западныхъ и южныхъ славянъ

(Первольфъ, Шерцль, Ничъ, Бодуэнъ де Куртенэ, Павинскій, Богишичъ, тотъ же Ягичъ, Дриновъ и др.), и русскому языку всего естественнѣе подобало бы стать обще-славянскимъ языкомъ въ наукѣ славяновѣдѣнія. Теперь же, благодаря нѣмецкому «Архиву», образовались въ этой наукѣ нѣкоторый, хотя и внѣшній, расколъ и отчужденіе силъ въ сторону нѣмецкой ученой литературы. Русскій органъ—подобный «Архиву» несомнѣнно оказалъ бы еще болѣе прямую услугу славянской наукѣ. Другая большая заслуга Ягича—организація при вѣнскомъ университетѣ славянскаго филологическаго семинарія, который сталъ разсадникомъ молодыхъ дѣятелей въ области славяновѣдѣнія подъ умѣлымъ и талантливымъ руководствомъ Ягича и его сотрудниковъ, вѣнскихъ славистовъ. Въ семинаріи—порядочная библіотека, а результаты семинарскихъ занятій находятъ себѣ мѣсто въ «Архивѣ» (статьи учениковъ Ягича: Гануша, Облака, Пастрнека, Решетара, Козака, Колессы, Матича); такимъ образомъ Ягичъ подготовляетъ цѣлую школу молодыхъ славянъ-филологовъ.

Труды самого Ягича составляютъ уже теперь большое ученое наслѣдіе. Ягичъ обогатилъ уже своими основательными, объективными, строго-критическими изслѣдованіями всѣ главнѣйшія области славянской филологіи: сравнительную славянскую грамматику и парѣчія («Gram. jezika hérvatskoga», 1864; «Das Leben der Wurzel dě in d. slav. Sprachen», 1871), исторію славянскихъ парѣчій и древнеславянскаго языка («Ein Kapitel aus d. Gesch. d. Südslav. Sprachen», «Die Aufgaben der Erforschung d. Südslav. Dialekte»), исторію старославянской письменности и палеографію («Primeri staroherv. jezika iz glag. i ciril. kniž. starinah», филологическая часть въ изд. Asseman. evangelistar; статьи о Зографскомъ еванг.; «Четыре критико-палеограф. статьи»; «Вопросъ о Кириллѣ и Меѳодіи въ слав. филологіи»), исторію юго-слав. письменности и литературы («Historija književnosti nar. hrvat. i srbsk.», 1867, «Jihoslované» въ словарѣ Ригра, «Trubaduri i najstariji hrvat. lirici», участіе въ изданіи дубровницк. и далматин. писат.), миѳологію, этнографію, область народной (особ. юго-славянской) словесности («Gradja za historiju slov. narodn. poezije»), юго-славянскую исторіографію («Ein Beitrag zur serbischen Annalistik»), наконецъ, новѣйшую культурную и литературную исторію славянъ («Переписка Добровскаго съ Копитаромъ») и проч. Ягичу принадлежитъ и рядъ образцовыхъ изданій славянскихъ памятниковъ («Мариинск. Евангеліе», «Glagolitica», «Законъ Винодольскій» и пр.). Ему же по большей части принадлежитъ библіографическая часть въ «Архивѣ».

Послѣ Ягича изъ австрійскихъ славистовъ выдается словинецъ *Ґр. Крекъ* (род. 1840), профессоръ славянской филологіи въ университетѣ въ Грацѣ (Штирія) - одинъ изъ перворазрядныхъ западно-славянскихъ славистовъ.

Ученикъ Миклошича, онъ началъ свою дѣятельность съ 60-хъ годовъ. Его труды вращаются въ области славянскихъ древностей, этнографіи, народной словесности, миѳологіи и пр. Результатомъ многолѣтнихъ его изслѣдованій является капитальный трудъ «Einleitung in die slav. Literaturgeschichte» (1887; 1-е изданіе 1874), въ которомъ критически изложены выводы славянской науки по древностямъ языка, быта и культуры, по первопачальной исторіографіи славянъ, по народной словесности и миѳологіи. Это—какъ-бы обширное энциклопедическое введеніе въ славяновѣдѣніе служащее настольнымъ руководствомъ каждаго слависта. Оно обнаруживаетъ глубокія познанія и начитанность, большую объективность и критическій даръ и необыкновенное трудолюбіе автора. Кромѣ Вѣны, Граца и Праги, славянскія каѳедры въ Австро-Венгріи замѣщены еще въ Будапештѣ, Черновцахъ, Краковѣ, Львовѣ и Загребѣ. Въ Будапештѣ занимаетъ ее талантливый мадьярскій славистъ Оск. Ашботъ (Asbóth, род. въ 1850). Онъ спеціально занимается языками русскимъ, сербскимъ и чешскимъ и, между прочимъ, изслѣдовалъ славянскіе элементы въ мадьярскомъ языкѣ (въ мад. христ. терминологіи). Въ Черновцахъ (въ Буковинѣ) преподаетъ славянскую филологію русско-польскій славистъ Эм. Калужняцкій, извѣстный рядомъ прекрасныхъ монографій о малорусскихъ памятникахъ и по старой письменности славянской, русской и польской. Въ Галиціи славянскую филологію читали въ послѣднее время поляки: въ Краковѣ—Луц. Малиновскій (†), работавшій преимущественно въ области польскаго языка, и Бодуэнъ-де-Куртене (до 1900) (по сравнит. языкознанію); во Львовѣ—(съ 1888 г.) Ант. Калина, (род. 1846) получившій основательную подготовку въ разныхъ славянскихъ научныхъ центрахъ, объѣздившій славянскія земли, авторъ капитальныхъ трудовъ по исторіи языковъ польскаго (1883) и болгарскаго (1891). Наконецъ, въ Загребѣ каѳедру славянской филологіи занимаетъ нынѣ Том. Маретичъ, достаточно извѣстный своими трудами въ области сербохорватскаго языка и народной словесности, старой хорватской литературы и славянскихъ древностей. Вспомнимъ еще, что и у румынъ (въ Бухарештѣ) есть славянская каѳедра, занятая молодымъ славистомъ вѣнской школы И. Богданомъ. Въ старшемъ поколѣніи выдается въ этой области извѣстный филологъ Б. П. Хаждеу (Hasdeu, род. 1838).

Послѣ Австріи на Западѣ всего лучше поставлено изученіе славянской филологіи въ Германіи, этой родинѣ сравнительнаго языкознанія. Мы видѣли, что А. Шлейхеръ былъ главнымъ піонеромъ славянскихъ лингвистическихъ изученій у нѣмцевъ и образовалъ школу, представители которой успѣшно продолжали его дѣло (Лескинъ—въ Лейпцигѣ, І. Шмидтъ—въ Берлинѣ, А. Бецценбергеръ, спец. по литовск. яз.,—въ Кенигсбергѣ). Съ тѣхъ поръ цѣлая фаланга нѣмецкихъ филологовъ, какъ Бругманъ, Вин-

диш, Остгофъ, Мейеръ, Маловъ и др., вводятъ и славянскіе языки въ область своихъ лингвистическихъ изученій. Ближайшими сотрудниками Ягича по «Архиву», кромѣ поименованныхъ здѣсь ученыхъ Гебауера, Пречка, Новаковича и А. Веселовскаго), являются еще три заграничныхъ слависта, дѣятельность которыхъ составляетъ крупное явленіе въ современномъ развитіи славянской филологіи, именно на германской почвѣ. Это—представители славянскихъ каѳедръ въ Лейпцигѣ, Берлинѣ и Вратиславлѣ. *А. Лескинъ* (род. 1840), ученикъ Шлейхера, съ 1870 г. занимаетъ славянскую каѳедру въ Лейпцигѣ и очень успѣшно дѣйствуетъ на своемъ ученопедагогическомъ поприщѣ, создавъ около себя одинъ изъ центровъ славянскихъ лингвистическихъ изученій и подготовивъ цѣлую школу молодыхъ славистовъ-филологовъ. Его собственные многочисленные труды по сравнительной грамматикѣ славянскихъ и литовскаго языковъ и по частнымъ вопросамъ славянскаго языковѣдѣнія (начиная съ его «Handbuch der altbulgar. Sprache, 1871) пользуются высокой научной репутаціей. Профессора Вл. Нерингъ (Nehring) и А. Брюкнеръ (A. Brückner), поляки родомъ, представляютъ славянскую филологію въ Вратиславлѣ и Берлинѣ и тоже пріобрѣли репутацію выдающихся славянскихъ филологовъ: *Нерингъ* (род. 1830) вращается болѣе въ области исторіи польской литературы, письменности и языка, а *Брюкнеръ* (род. 1856)—въ области чешской и польской старой литературы, литовскаго языка и миѳологіи. Оба—дѣятельные сотрудники Ягича по «Архиву». Въ исторіи славяновѣдѣнія, кромѣ «Архива», долженъ быть отмѣченъ еще рядъ другихъ, прежнихъ и новѣйшихъ періодическихъ изданій у восточныхъ и западныхъ славянъ, которымъ принадлежитъ также особенная заслуга въ научной славистикѣ, въ поощреніи славянскихъ изученій и распространеніи свѣдѣній о славянствѣ. Таковы у чеховъ: «Časopis Musea kralovství českého» (съ 1827), «Listy filologické» (съ 1874), «Slovanský Sbornik» 9. Елинка (1883—87), нынѣ «Slov. Prehled» А. Чернаго (съ 1898) и друг.; у поляковъ нѣкоторыя періодическія изданія ихъ ученыхъ учрежденій, особенно «Rozpawy» Краковской академіи наукъ; у сербовъ «Гласник Дружства серб. словесности», нынѣ «Глас» сербской академіи наукъ; у хорватовъ старый «Književnik» (съ 1864) и «Rad» Юго-славянск. академіи (съ 1867); у болгаръ «Періодическое Списаніе», «Сборникъ отъ нар. умотворенія»; въ Вѣнѣ, кромѣ ученаго изд. «Slavische Bibliothek» Миклошича (1851—1858), издавался въ 1865 г. популярн. журналъ «Slavische Blätter» А. Лукшича, потомъ въ послѣдніе годы «Slovanski Svet» Ф. Подгорника, а нынѣ издается (съ 1900) «Славянскій Вѣкъ» Д. И. Вергуна; наконецъ, изъ выходившихъ въ Россіи слѣдуетъ назвать рядъ старыхъ изданій, напр., «Москвитянинъ» (1840-хъ и 50-хъ гг.), «Русская Бесѣда» (въ

концѣ 50-хъ гг.), «День» (1861—66) и «Русь» (1880—86) И. С. Аксакова; и сборники: «Московскій Сборникъ», (3 т. 1845, 47, 52), «Сборникъ историч. и статистич. свѣдѣній о Россіи» (М. 1845, изд. Д. Валуева), нѣсколько томовъ «Сборниковъ» Славянскаго благотв. общества (3 т. 1875—77 и 4-й 1893 г.), «Извѣстія имп. акад. наукъ по отд. русск. яз. и слов.» (10 томовъ, 1852—61) и проч., и рядъ современныхъ изданій, напр.: имп. «Извѣстія отд. русск. яз. и слов.», «Филологич. Записки», Хованскаго († въ Воронежѣ, «Русскій Филолог. Вѣстникъ» М. А. Колосова и А. П. Смирнова (Варшава), «Чтенія въ И. Общ. Ист. Д. Р.», «Труды Славян. Комиссіи при И. М. Арх. Общ.», «Журналъ Мин. Народн. Просв.», «Живая Старина», подъ ред. В. И. Ламанскаго, «Вѣстникъ Европы». Еще слѣдуетъ упомянуть «Славянскій Ежегодникъ» (5 вып. 1876—82) П. Задерацкаго и Т. Д. Флоринскаго (6-ой вып. 1884), «Извѣстія Спб. Слав. Благ. Общества» (1883—1888), «Славянскія Извѣстія», издававшіяся въ 1889—91, подъ ред. В. Комарова, «Славянское Обозрѣніе» (1892) подъ ред. Будиловича, сборн. «Вѣстникъ Славянства» (въ Нѣжинѣ съ 1888) В. В. Качановскаго и друг.

Намъ остается еще отмѣтить лишь главные факты и имена новѣйшей исторіи *русской* славистики, такъ какъ въ такомъ бѣгломъ очеркѣ вдаваться въ подробности нѣтъ возможности. Мы видѣли, что главными основателями этой науки у насъ были тѣ первые профессора ея въ Москвѣ, С.-Петербургѣ, Харьковѣ и Казани, которые въ 30-хъ и 40-хъ гг. были посланы въ славянскія земли и, вернувшись обогащенные обширными знаніями и разнообразнымъ ученымъ матеріаломъ, стали ревностными насадителями славянской науки въ своемъ отечествѣ. Это были О. М. Бодянскій, П. И. Прейсъ, И. И. Срезневскій и В. И. Григоровичъ. *Бодянскій* (1808—1877), человѣкъ замѣчательно трудолюбивый и настойчивый, главнымъ образомъ посвятилъ себя собиранію и изслѣдованію матеріаловъ по русско-славянской исторіи и древностямъ (изд. «Чтеній Моск. Общ. И. и Д. Р.). Начавъ трудомъ по славянской этнографіи («О народной поэзіи славянскихъ племенъ» 1837), онъ затѣмъ съ особенной любовью занимался вопросами старо-славянской письменности (его главн. трудъ: «О времени происхожденія славянскихъ письменъ» (М. 1855) Ему же была обязана русская наука переводомъ знаменитыхъ «Славянскихъ Древностей» и «Славянской Народописи» Шафарика и нѣкоторыхъ другихъ западно-славянскихъ ученыхъ трудовъ. *П. И. Прейсъ* (1810—1846), преждевременно умершій, не успѣлъ сдѣлать многаго, но началомъ своей дѣятельности обѣщалъ едва-ли не болѣе всѣхъ. Даровитый филологъ, включившій, между прочимъ, и литовскій языкъ въ кругъ своихъ изученій, получившій отличную подготовку въ школѣ Востокова, онъ былъ строгимъ, осторожнымъ ученымъ и поражалъ обширностью и глубиною своихъ свѣдѣній, обогащенныхъ непосред-

ственнымъ изученіемъ славянства. *И. И. Срезневскій* (1813—1880), по природѣ энтузіастъ, по настроенію—романтикъ, соединявшій съ большими дарованіями и замѣчательное трудолюбіе, живость и наблюдательность предался сперва всецѣло славянской этнографіи и изученію народнаго быта и словесности, и въ этомъ была его особенная сила. Впослѣдствіи онъ спеціализировался на славянской письменной древности, исторіи языка и палеографіи. Многочисленныя превосходныя изданія и труды его въ этой области всѣмъ извѣстны. Матеріалы, имъ собранные, до сихъ поръ издаются (Словарь древне-русск. языка). *В. И. Григоровичъ* (1815—1876), чрезвычайно талантливый ученый, самоотверженно преданный славянской наукѣ и заявившій себя уже на первыхъ порахъ (до заграничнаго путешествія) важной, самостоятельной работой («Опытъ изложенія литературы Словенъ въ ея главнѣйшихъ эпохахъ», 1842), прославился, главнымъ образомъ, своимъ, можно сказать, геройскимъ ученымъ путешествіемъ по турецкой Болгаріи и славянскому югу («Очеркъ путешествія по Европейской Турціи» 1848), откуда вывезъ богатѣйшую коллекцію памятниковъ славянской письменности и литературы. Его открытія и труды были новостью и для западно-славянской науки и дали матеріалъ для Шафарика и другихъ (напр. по вопр. о глаголицѣ). Его труды весьма разносторонни, обнимая и языкъ, и древности, и исторію, и литературы славянъ. Онъ, какъ и Срезневскій и Бодянскій, оставилъ многихъ учениковъ.

Дѣятельность этихъ даровитыхъ и замѣчательныхъ ученыхъ принесла быстро блестящіе плоды: съ 1850-хъ гг. стало вырастать новое поколѣніе славистовъ—ихъ учениковъ, продолжавшихъ ихъ плодотворные труды по изученію старой русско-славянской письменности и исторіи церковно-славянскаго языка и славянскихъ нарѣчій, славянскихъ древностей и старой литературы: появляются труды учениковъ Бодянскаго: *А. Ѳ. Гильфердинга* († 1872), одного изъ первыхъ русскихъ славистовъ по значенію и объему совершеннаго (труды по славянской филологіи, «Исторія Балтійскихъ Славянъ», очерки исторіи южныхъ и западныхъ славянъ и проч.) и весьма отзывчиваго на современные вопросы славянской жизни. Е. П. Новикова («Гусъ и Лютеръ», о лужицкихъ нарѣчіяхъ); А. А. Майкова («Исторія сербскаго языка по памятникамъ» М. 1857); А. А. Котляревскаго († 1881), этого замѣчательнаго слависта-археолога, этнографа, историка и библіографа, къ сожалѣнію, рано умершаго («О погребальныхъ обычаяхъ язык. славянъ», «Древности права Балтійскихъ славянъ», «Древне-русская письменность» etc.). Одновременно съ ними выдвигается рядъ не мѣнѣе крупныхъ силъ: въ С.-Петербургѣ, изъ школы Срезневскаго: П. А. Лавровскій († 1886), составившій себѣ громкое имя въ славянской наукѣ своими трудами, какъ по славянской филологіи, такъ и по этнографіи, древностямъ и исторіи славянъ (напр., о Кириллѣ и Меѳодіи), В. П. Ламанскій (о немъ см. ниже),

В. В. Макушевъ († 1883), бывшій выдающимся знатокомъ славянства въ особенности юго-славянской исторіи и оставившій въ этой области видный слѣдъ своими работами по изданію и разработкѣ памятниковъ и источниковъ (его диссертаціи: «Изслѣдованія объ историч. памятникахъ и бытописателяхъ Дубровника» 1867 и «Историч. изысканія о славянахъ въ Албаніи въ средніе вѣка» 1871), А. Н. Пыпинъ (род. 1833), авторъ «Исторіи Славянскихъ Литературъ» 1779—81 (1-ое изд. 1865), извѣстный знатокъ славянской литературной старины и русскій литературный историкъ; между тѣмъ дѣйствуютъ въ Москвѣ—А. Л. Дювернуа († 1886), извѣстный своими трудами по славянской филологіи (особ. Болгарскій словарь), П. А. Поповъ († 1891), писавшій въ области новѣйшей исторіи славянства (особ. о Сербіи) и М. С. Дриновъ (род. 1838), выдающійся историкъ южнаго славянства (его диссертаціи: «Заселеніе Балкан. полуострова славянами» 1873, и «Южные славяне и Византія въ X в. 1876); въ Одессѣ—А. А. Кочубинскій (род. 1845), обогатившій своими основательными работами какъ область славянскаго языковѣдѣнія, такъ и исторію славянской науки, культуры и политики; затѣмъ извѣстный этнографъ и историкъ старой литературы П. А. Безсоновъ (†); М. П. Петровскій, А. Соколовъ и П. А. Ровинскій, авторъ капитальнаго труда «Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ» 2 т. 1888—97. (Послѣдніе три —ученики Григоровича), А. С. Будиловичъ и др. Ихъ труды примыкаютъ къ быстро развивающейся наукѣ русскаго языка и старой русской письменности, исторіи литературы и исторіи политической, къ трудамъ: Снегирева, Сахарова, Аѳанасьева, Билярскаго, Строева, Шевырева, Буслаева, Каткова, Максимовича, Тихонравова, Ундольскаго, Горскаго, Невоструева, А. Е. Викторова, А. Попова, Я. Грота, Н. А. Лавровскаго, А. Ѳ. Бычкова, М. И. Сухомлинова, А. Н. Веселовскаго, А. А. Потебни, О. Ѳ. Миллера, Л. Н. Майкова, Арх. Леонида, далѣе Надеждина, Погодина, Соловьева, Костомарова, Бестужева-Рюмина, Кушика, Васильевскаго, Павлова, Голубинскаго, Кондакова, Пловайскаго, Бильбасова, Владимірскаго-Буданова, Малышевскаго и друг. Съ другой стороны, развитіе и распространеніе славянофильскаго ученія плеядой талантливѣйшихъ и блестящихъ московскихъ мыслителей и писателей, каковы: Хомяковъ, братья И. и П. Кирѣевскіе, братья К. и И. Аксаковы, Д. Валуевъ, Елагинъ, Ю. Самаринъ и др. и ихъ петербургскихъ послѣдователей (Н. Я. Данилевскаго, Н. Н. Страхова, К. Н. Бестужева-Рюмина, М. О. Кояловича) самымъ рѣшительнымъ образомъ повліяли на ходъ и успѣхъ, а отчасти и направленіе славянскихъ изученій и оказали существенную услугу развитію русскаго славяновѣдѣнія.

Изъ современныхъ русскихъ славистовъ особенно выдается и оказалъ самыя крупныя услуги славистикѣ даровитѣйшій ученикъ Срезневскаго, проф. и нынѣ академикъ *В. И. Ламанскій* (род. 1833)—не только своими много-

численными и разносторонними высокоталантливыми трудами—по исторіи славянскихъ нарѣчій и письменности, славянской этнографіи и древностямъ, исторіи славянскихъ литературъ, и главнымъ образомъ по освѣщенію политической и культурной исторіи славянства [1]), но и въ смыслѣ установленія оригинальныхъ руководящихъ воззрѣній на славянскій міръ въ его отношеніяхъ къ Западу и Востоку, а также въ дѣлѣ пробужденія славянскаго самосознанія въ русскомъ обществѣ и подготовки новыхъ силъ къ служенію славянской наукѣ. Онъ былъ однимъ изъ главныхъ создателей историческаго направленія славянскихъ изученій въ Россіи и образовалъ цѣлую школу русскихъ славистовъ, преимущественно историковъ. Изъ нихъ многіе занимали и занимаютъ славянскія и иныя каѳедры въ русскихъ университетахъ: Ѳ. И. Успенскій, бывш. въ Одессѣ; въ Кіевѣ—Т. Д. Флоринскій; въ Москвѣ—Р. Ѳ. Брандтъ и М. И. Соколовъ; въ Варшавѣ—О. Ѳ. Зигель, были А. С. Будиловичъ и пишущій эти строки; въ Петербургѣ—И. С. Пальмовъ, И. А. Сырку и С. Л. Иташицкій, а они въ свою очередь подготовляютъ новыя поколѣнія русскихъ славистовъ. Изъ учениковъ В. И. Ламанскаго назовемъ еще Ю. С. Аничкова (†), А. Г. Семеновича, Ѳ. М. Пстомина, А. Л. Петрова, И. И. Соколова, Г. М. Князева, В. А. Кракау, А. Липовскаго, А. Погодина, П. Ястребова, В. Кораблева, Г. Ильинскаго и др. Рядомъ съ уже названными славистами средняго поколѣнія и старшими учениками Ламанскаго—слѣдуетъ назвать еще рядъ выдающихся ученыхъ, которымъ славянская наука многимъ обязана. Таковы: П. С. Ястребовъ (†), Н. П. Некрасовъ, П. А. Кулаковскій, А. А. Шахматовъ, Ѳ. И. Леонтовичъ и др., къ которымъ примыкаютъ и тѣ по-русски писавшіе слависты инославянскаго происхожденія, изъ которыхъ нѣкоторые нашли въ Россіи вторую родину: П. Дубровскій († 1882), С. Палаузовъ († 1872), О. О. Первольфъ († 1891), И. Бодуэнъ де Куртенэ, М. Дриновъ, В. Богишичъ, С. Микуцкій (†) и друг. Далѣе къ тому же среднему и младшему поколѣніямъ русскихъ славистовъ принадлежатъ: И. А. Лавровъ, Г. А. Воскресенскій, В. И. Малининъ, В. В. Каченовскій, М. Г. Халанскій, В. И. Мочульскій, А. Александровъ, А. А. Соколовъ, И. Снегиревъ, М. И. Сперанскій, Б. Ляпуновъ, Л. Мазингъ, А. Яцимирскій, А. Стороженко, М. Попруженко,

[1]) Вотъ нѣкоторые его труды: „О славянахъ въ Малой Азіи, Африкѣ и Испаніи“ 1859; „Объ историческомъ изученіи славянскаго міра въ Е.“ 1870; „О нѣкоторыхъ славянскихъ рукописяхъ въ Бѣлградѣ, Загребѣ и Вѣнѣ“ 1861; „Непорѣшенный вопросъ“. 1869; „Видные дѣятели западно-славянской образованности въ XV, XVI и XVII вв.“ 1875; „Новѣйшіе памятники древне-чешскаго языка“ 1879; „Les secrets d'état de Venise“ (изд. памятн. и докум.) 1883, и проч. См. перечень трудовъ его въ „Сборникѣ статей по славяновѣдѣнію, составл. и издан. учениками В. И. Ламанскаго по случаю 25-лѣтія его ученой и профессорской дѣятельности“, Спб. 1883. См. и Предисловіе къ этому „Сборнику“.

Е. Пѣтуховъ, А. Степовичъ, А. Лешкій, П. Шляковъ, К. Радченко, В. Францевъ, С. Кульбакинъ, Д. Абрамовичъ и др. Близко касаются славянства и труды многихъ спеціалистовъ по русскому языку, словесности, сравнительному языкознанію и исторіи русско-византійской, какъ А. Соболевскій, Ѳ. Фортунатовъ, В. Миллеръ, П. Житецкій, П. Сумцовъ, А. Архангельскій, С. Буличъ, Г. Ульяновъ, Е. Карскій, П. Созоновичъ, далѣе В. Надлеръ († 1894), бар. В. Розенъ, О. Фортинскій, В. Регель, П. Карѣевъ, П. Любовичъ, П. Безобразовъ, П. Милюковъ, П. Филевичъ, Ю. Кулаковскій, П. Смирновъ, А. Маркевичъ, А. Васильевъ и пр. Наконецъ въ Финляндіи (въ Гельсингфорск. университетѣ) есть уже свой представитель славистики — І. Миккола. Нѣкоторымъ тормозомъ въ развитіи славистики въ Россіи служитъ не довольно широкая постановка его преподаванія въ университетахъ, не говоря уже о полномъ его отсутствіи въ средней школѣ. Вслѣдствіе быстраго развитія науки и необходимости спеціализаціи въ ней—славянская каѳедра должна бы распасться на составные отдѣлы свои и вездѣ получить нѣсколькихъ представителей (какъ это давно въ Варшавѣ, гдѣ занята и единственная у насъ каѳедра исторіи славянскихъ законодательствъ). Восполненіе этихъ пробѣловъ и основаніе широко и прочно поставленнаго русскаго періодическаго органа по славяновѣдѣнію составляютъ весьма существенную потребность нашего времени (см. ниже, гл. IV и заключеніе).

Для пополненія нашего обозрѣнія назовемъ по народностямъ еще нѣкоторыхъ современныхъ болѣе видныхъ и дѣятельныхъ славистовъ изъ славянскихъ ученыхъ, которые въ своихъ трудахъ по славистикѣ охватывали болѣе широкій кругозоръ и выходили изъ предѣловъ своего роднаго языка, а затѣмъ охарактеризуемъ состояніе славяновѣдѣнія у другихъ европейскихъ народовъ.

У *чеховъ* въ области славянскаго языковѣдѣнія и исторіи литературы выдаются: кромѣ Гатталы и І. Гебауера, А. Патера, І. Коларжъ, Ю. Поливка, Ф. Менчикъ, Л. Душекъ, Ф. Пастрнекъ, Я. Махалъ, Е. Коваржъ († 1898), В. Вондракъ, І. Зубатый, І. Горакъ, Я. Лего, Ф. Вымазалъ, І. Вагнеръ, І. Карасекъ, Я. Вчекъ, Ф. Прушекъ, І. Ранкъ и др. Въ области славянской исторіи—политической, бытовой, правовой и древностей: І. Калоусекъ, Я. Ганель, Я. Челяковскій, К. Пречекъ, Л. Пидерле, І. В. Ничъ, Ч. Зибртъ, К. Кадленъ, П. Папачекъ и др. Кромѣ того писали и пишутъ по этнографіи славянъ и по вопросамъ славянской жизни и отношеній: Э. Елинекъ († 1897, пис. особ. о полякахъ), А. Черный (о серболужичанахъ и полякахъ), І. Голечекъ (о Черногоріи и Россіи), Я. Грубый (о Россіи), І. Каланъ, Т. Масарыкъ, Я. М. Черный, Р. Покорный, Ѳ. Езбера и друг. У *словаковъ* подвизаются Ф. Сасинекъ, Св. Гурбанъ (Ваянскій), І. Шкультетый, П. Крижко, Квачала и др. У *поляковъ* по славянской филологіи, литературѣ и фольклору, кромѣ Бодуэна де Куртене, Брюкнера и Неринга: Л. Малиновскій

(† Краковъ), А. Калина (Львовъ), Я. Карловичъ (Варшава), А. Крымскій (Варшава), І. Быстронь, К. Ганкевичъ († въ Черновцахъ), І. Лещѣвскій (Краковъ), Я. Ганушъ († 1887, Краковъ), С. Цишевскій (Варш.), Р. Завилинскій (Краковъ) и др.; по слав. древностямъ, археологіи и исторіи—кромѣ А. Киркора († 1886 въ Краковѣ), Н. Коперницкій († 1891 въ Краковѣ) и В. Богуславскій (въ Россіи); затѣмъ много писали о славянахъ Б. Грабовскій и А. Парчевскій. Въ *галицко-* и *угро-русской* ученой литературѣ по славистикѣ особенно извѣстны имена: А. П. Добрянскаго, Я. Головацкаго († 1888), А. Петрушевича (Львовъ), І. Верхратскаго (Львовъ), Ом. Огоновскаго († Львовъ), І. Шараневича (Краковъ), Е. Калужняцкаго (Черновцы) и др. Во Львовѣ и Черновцахъ работаютъ и молодые ученики Ягича—А. Колесса, Е. Козакъ и др. У *сербо-хорватовъ* въ области славянской исторіи и филологіи пріобрѣли наибольшую извѣстность: Ст. Новаковичъ, І. Павловичъ, І. Срѣковичъ (Бѣлградъ), Ил. Руварацъ (Герметегъ), Ст. Станојевичъ (Нов. Садъ), Л. Стояновичъ (Бѣлградъ), І. Мильчетичъ (Вараждинъ), І. Радоничъ (Нов. Садъ), Т. Матичъ; далѣе въ Загребѣ: Т. Маретичъ, А. Павичъ, Т. Смичикласъ, Б. Шулекъ, Ф. Вальявецъ, Ф. Целестинъ (†), М. Шрепель, въ Вѣнѣ—М. Решетаръ. Маленькій народъ *словинцевъ*, давшій славянской наукѣ такихъ первоклассныхъ ученыхъ, какъ Копитаръ, Миклошичъ, нынѣ Крекъ, выставилъ еще съ тѣхъ поръ цѣлый рядъ выдающихся славянскихъ филологовъ, каковы Ф. Левстикъ († Любл.), М. Мурко (Вѣна), І. Шуманъ, Д. Третенякъ, В. Облакъ († въ Грацѣ), С. Рутаръ, Штрекель (Грацъ), Шахтигаль (Вѣна) и др. Изъ *болгаръ*, успѣшно работающихъ въ области славянской филологіи и исторіи, можно назвать А. Теодорова (Софія), К. Шапкарева, І. Драганова (Кованджи), І. Шишманова (Софія), Матова (†), Б. Цонева, В. Златарскаго (Софія) etc. Въ Болгаріи же дѣйствуютъ Л. Милетичъ, братья Шкорпилъ и др. У *сербо-лужичанъ* послѣ М. Горника († 1894) самымъ дѣятельнымъ и талантливымъ славистомъ-филологомъ является Э. Мука (Фрейбергъ).

Къ этимъ западно- и южно-славянскимъ ученымъ славистамъ примыкаетъ еще рядъ западно-европейскихъ ученыхъ, если не спеціально славистовъ, то включающихъ славянскіе языки и славянскую исторію въ кругъ своихъ изученій,—большею частью нѣмцевъ или во всякомъ случаѣ принадлежащихъ нѣмецкой школѣ и дѣйствующихъ отчасти въ Австріи, отчасти въ Германіи. Таковы: Абихтъ (Вратиславль), Глейе (Мюнхенъ), Г. Греслеръ, О. Кеммель (Дрезд.), Г. Кирсте (Грацъ), Ф. Лоренцъ, К. Мюлленгофъ (Берлинъ), Ф. Мюллеръ († Вѣна), І. Пейскеръ (Грацъ), Р. Шолвинъ (Лейпцигъ). Шухардтъ (Грацъ), А. Серенсенъ (Лейпцигъ, Хемницъ), К. Уленбекъ (Лейденъ), Э. Векенштедтъ (Галле), В. Вольнеръ (Лейпц.), Г. Циммеръ (Грейфс-

вальдъ) и др. Упомянемъ еще о тѣхъ выдающихся австро- и угро-нѣмецкихъ и германскихъ ученыхъ (умершихъ и живыхъ), которые своими трудами по исторіи, исторической и современной этнографіи, касающимися и славянскихъ земель, завоевали себѣ видное мѣсто въ исторіи славяновѣдѣнія. Это—Р. Рёслеръ (†), В. Томашекъ, М. Бюдингеръ, Г. Цейсбергъ и А. Губеръ († 1898, Вѣна), Ф. Краусъ, Г. Бидерманъ (Венгрія и Грацъ), Ф. Кронесъ (Грацъ), К. Гёфлеръ (Прага), Ю. Липпертъ (тоже), И. Лозертъ (Грацъ), Б. Бретхольцъ; въ Венгріи: І. Фесслеръ († 1839), Вл. Салай (1864), П. Гунфальви († 1891), В. Каллай, М. Вертнеръ и др.; въ Германіи—Л. Ранке († 1886), Э. Дюмлеръ (Галле), О. Лоренцъ, Ф. Каницъ и др. Изъ Германіи интересъ къ славяновѣдѣнію проникъ и въ скандинавскія земли: въ Данію, Швецію и Норвегію. Изъ *датчанъ* пользовался громкою извѣстностью славянскій филологъ К. Смитъ († 1881); хорошо извѣстенъ и В. Томсенъ. Нынѣ славянскую каѳедру въ Копенгагенѣ занимаетъ К. Вернеръ. Въ *Швеціи* (въ Упсалѣ) съ честью занимаетъ ее извѣстный и въ Россіи проф. П. Лундель (Lundell); въ *Норвегіи* (Христіаніи) знатокъ славянской (особенно угро-славянской) діалектологіи О. Брокъ (Olaf Broch).

Во *Франціи* возникновеніе славянскихъ изученій, относящееся къ 1840-мъ годамъ, связано съ политическими мотивами и съ личностью знаменитаго польскаго поэта-эмигранта А. Мицкевича, который и занялъ созданную тогда въ Collège de France каѳедру славянскаго языка. Хотя въ протекшія 60 лѣтъ довольно много французовъ посвящали свои ученые труды и отдавали свои симпатіи славянству, и французская литература обогатилась порядочнымъ количествомъ работъ по славяновѣдѣнію, въ числѣ коихъ есть основательныя, но нельзя все-же сказать, чтобы этотъ кругъ вѣдѣнія пріобрѣлъ во Франціи широкое и глубокое развитіе, прочно овладѣлъ интересами образованнаго общества и сталъ бы сколько-нибудь популярнымъ. И до сихъ поръ число французовъ, посвященныхъ въ эту область знанія и ею интересующихся, чрезвычайно ограничено, а всѣ современные французскіе успѣхи въ славянской наукѣ воплощены почти единственно въ дѣятельности и трудахъ всего нѣсколькихъ лицъ, среди которыхъ первенствующее мѣсто занимаетъ проф. Л. Леже. Преемниками Мицкевича (1840—1844) на славянской каѳедрѣ въ Collège de France были Cyprien Robert (1845—56), отважный путешественникъ по южнославянскимъ землямъ, съ любовью изучавшій славянство, и полякъ А. Ходзько (до 1884). Луи Леже (L. Léger) перешелъ на эту каѳедру (1885) изъ École des langues orientales, гдѣ онъ читалъ курсы сербскаго и русскаго языковъ и литературы, и гдѣ его замѣстилъ A. Dozon, спеціализировавшійся на сербахъ и болгарахъ (ему принадлежитъ изданіе болгарскихъ народныхъ пѣсенъ) и потомъ Boyer. Затѣмъ пріобрѣли извѣстность

слѣдующіе французскіе слависты: предупредившій еще Мицкевича въ славянскихъ изученіяхъ E. Eichhoff (авторъ исторіи языковъ и литературъ славянскихъ, 1839, по Шафарику); Taillandier; A. Boué; E. Denis, занимающійся преимущественно Чехіей и ея исторіей (о Гусѣ и гуситахъ) и переводчикъ книги Пыпина и Спасовича; A. Rambaud (о Византіи, южныхъ славянахъ и Россіи); D'Avril (псевдонимъ Cyrille), изучающій славянскія нарѣчія и интересующійся славянствомъ съ точки зрѣнія католической, извѣстный описаніемъ путешествія по славянскимъ землямъ («Voyage Sentimental dans les pays slaves, 1876); Picot (о южныхъ славянахъ и угорскихъ сербахъ); A. Meillet (собств. славянск. филологія) и др. Спеціально Россіей, ея исторіей, литературой, языкомъ и современностью занимаются: A. Rambaud (Исторія Россіи); Legras (препод. русск. яз. въ Дижонѣ); A. Leroy Beaulieu; E. M. vic. de Vogüé, и A. Courrière. Преподаютъ славянскіе языки еще: Haumant (въ унив. въ Lille); Monnet (курсы русскаго и славянскаго языковъ въ Орлеанѣ) и др. Учреждаются также популярные курсы русскаго языка какъ въ Парижѣ, такъ и въ другихъ городахъ. Вспомнимъ, что французской литературѣ принадлежатъ и труды извѣстнаго русскаго іезуита И. Мартынова (о Кириллѣ и Меѳодіи, по исторіи славянской церкви и отношеній ея къ Риму), а также о. Пав. Пирлинга. Но труды всѣхъ названныхъ лицъ по славистикѣ кажутся незначительными сравнительно съ дѣятельностью и трудами *Л. Леже* (род. 1843), этого перваго по авторитету и единственнаго по широкому кругу своихъ изученій — слависта Франціи. Онъ далъ своимъ соотечественникамъ длинный рядъ трудовъ, этюдовъ, очерковъ и пособій по славянскимъ языкамъ (грамматики и хрестоматіи), этнографіи и современному быту, народной поэзіи и миѳологіи, литературѣ («La littérature russe»), исторіи древней и новой (о Чехіи, Кириллѣ и Меѳодіи, исторіи Австро-Венгріи, о лѣтописи Нестора, издан. Реймскаго Евангелія etc.)—вышедшихъ какъ отдѣльными книгами, такъ и въ сборникахъ («Le monde Slave», «Études Slaves», «Nouvelles études slaves», «Russes et Slaves» etc.). Изъ однихъ его сочиненій французы могутъ усвоить себѣ вѣрный взглядъ и достаточно точныя свѣдѣнія о славянскомъ мірѣ; они уже не могутъ отговариваться непмѣніемъ источниковъ и пособій для такого знакомства.

Но еще менѣе, чѣмъ во Франціи, привились и пріобрѣли популярность славянскія изученія въ Англіи, не смотря на единичныя усилія. Въ англійскомъ обществѣ почти еще не существуетъ интереса къ изученію славянскаго міра, и для него послѣдній вполнѣ еще terra incognita. При практическомъ и утилитарномъ характерѣ англійской культуры и образованности не удивительно, что первыми писателями о славянахъ были у нихъ дипломаты и политическіе дѣятели (John Bowring, A. Paton, J. Gardn.

Wilkinson), къ которымъ примыкаютъ нѣкоторые путешественники (W. White, W. Wiagfield, A. Stanley). Въ наше время Англія выдвинула одного только слависта, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова, который для своихъ соплеменниковъ сдѣлалъ приблизительно то же, что́ Леже для Франціи. Это—оксфордскій проф. В. Морфиль. Въ старомъ поколѣніи англійскихъ ученыхъ, уже сошедшихъ со сцены, можно назвать лишь одного выдающагося слависта—*В. Ролстона* (1829—1890), извѣстнаго у насъ своими трудами по русской народной словесности, литературѣ и исторіи. Изъ современныхъ, кромѣ Морфиля, заслуживаютъ упоминанія: Is. Taylor (ист. слав. письма), А. Вратиславъ (пропех. чехъ, спеціалистъ по чешской исторіи и литературѣ), А. Истерсонъ (о Венгріи), A. Hardy (о сербахъ и другихъ славянахъ), Evans (южн. славяне), Turner (о Россіи), Mackenzie Wallace (тоже) и др. Нынѣ открытую (съ 1890 г.) каѳедру славянскихъ языковъ въ Оксфордскомъ университетѣ съ честью занимаетъ г. *В. Морфиль* (работ. съ 1860 г.), который передъ тѣмъ читалъ лишь нерегулярныя публичныя лекціи по славистикѣ—благодаря существовавшему для этой цѣли фонду, пожертвованному когда-то англійскимъ дипломатомъ — лордомъ В. Ильчестеромъ († 1865), понимавшимъ важность славянскихъ изученій. Большой знатокъ славянства не изъ одной книгъ, но и изъ путешествій, практическаго знанія нарѣчій и непосредственныхъ сношеній, Морфиль всецѣло отдался своему любимому предмету и работаетъ въ разныхъ областяхъ славяновѣдѣнія, давая англійской публикѣ прекрасныя пособія и руководства къ ознакомленію со славянскимъ міромъ. Онъ занимается равно усердно и славянскими нарѣчіями (грамматики языковъ польскаго и чешскаго), славянскими литературами («Slavonic literature» до XVII в. и много статей, напр. по русской литературѣ), славянской исторіей и древностями (напр. его «Русская исторія», о лѣтописи Нестора и пр.). Къ сожалѣнію, славяновѣдѣнію, повидимому, еще не скоро суждено пріобрѣсти болѣе сочувственнаго интереса и популярности въ англійскомъ обществѣ (о славистикѣ въ Англіи см.. «Slovanský Sbornik», Елинка, т. III, 1884 и т. VI, 1887, и нашу статью «Лондонскія Замѣтки» въ «Рус. Филол. Вѣстн.», 1887).

Въ *Италіи* интересъ къ славянскимъ изученіямъ оживился лишь недавно, рядомъ съ успѣхами сравнительнаго языкознанія, представители котораго въ университетахъ Милана (Асколи), Турина (Д. Нецци) и Рима (Дж. Линіано) удѣляютъ вниманіе и славянскимъ языкамъ. Есть у итальянцевъ и другіе ученые писатели, знакомящіе своихъ соотечественниковъ со славянами. Таковы: D. Ciàmpoli (о русской литературѣ), Ан. Губернатисъ (хорошо знакомый съ Россіей), упомянутый Д. Линьяна и др. Болѣе отстала въ этомъ отношеніи *Греція*, въ которой интересъ къ славянскимъ изученіямъ

вообще слабо пробужденъ. Наконецъ, университетская наука, особенно сравнительнаго языкознанія, прокладываетъ путь славянской филологіи и славянскимъ изученіямъ и въ другія, болѣе или менѣе отдаленныя страны (Испанію, Португалію, даже Америку etc.), гдѣ также уже являются ученые, вводящіе ту или другую вѣтвь славянской филологіи въ кругъ своихъ занятій [1]).

Что касается *популяризаціи* славяновѣдѣнія, то это дѣло подвигается у насъ, въ Россіи, къ сожалѣнію, крайне медленно. На этомъ поприщѣ за послѣднія десятилѣтія кое-что сдѣлано главнымъ образомъ нашими Славянскими Благотворительными Обществами, но лишь нынѣ, кажется, принимаются за дѣло болѣе серіёзно.

Изъ русскихъ писателей и ученыхъ можно назвать лишь немногихъ, сколько-нибудь потрудившихся на этомъ широкомъ полѣ. Тѣмъ большей благодарности они заслуживаютъ. Изъ прежнихъ дѣятелей нельзя не вспомнить напр. А. Ѳ. Гильфердинга, П. В. Берга, П. В. Гербеля, П. П. Задерацкаго, о. Наумовича, Де-Воллана и др., а изъ современныхъ А. Н. Пыпина, А. С. Будиловича, П. А. Кулаковскаго, М. И. Петровскаго, А. Стеновича, А. А. Кирѣева, Кн. Д. П. Голицына, (Муравлина), И. Р. Овсянаго и др. Въ самое послѣднее время выступаютъ на эту арену новыя молодыя силы, которымъ можно только искренно пожелать успѣха.

---

[1]) *Къ исторіи славяновѣдѣнія относятся слѣдующіе труды и статьи*: О. Первольфъ, „Славяне, ихъ взаимныя отношенія и связи“ (I—III, 1886—93); его же „О славянской взаимности въ XVIII и XIX вв.“ („Naučny Slovn.“ Ригра, т. VIII; см. „Слав. Ежегодникъ“, I, 1876); А. Котляревскій, „Библіографическій опытъ о древней русской письменности“ (1881); А. А. Кочубинскій, „Итоги славянской и русской филологіи“ (Одесса, 1882); В. Ламанскій, „Объ историческомъ изученіи греко-славянскаго міра въ Европѣ“ (СПб., 1871); А. Будиловичъ, „Нѣсколько замѣчаній объ изученіи славянскаго міра“ (Слав. Сборн.“ СПб., 1878); П. Собѣстіанскій, „Ученія о національныхъ особенностяхъ характера и юридическаго быта древнихъ славянъ“ (Харьковъ, 1892); Ягичъ, „Bibliograf. Uebersicht über die slav. Philologie“ (1870–76, въ „Archiv f. slav. Philol“, т. I, 1876, стр. 465—607), и Ф. Шастрнека, тоже для 1876—91 г. („Archiv“, Supplement-Band, 1892); Пыпинъ и Спасовичъ, „Исторія славянскихъ литературъ“ (2 т.: 1879—81); „Письма къ М. П. Погодину изъ слав. земель“ (М. 1879), „Письма Добровскаго и Коппитара“ (Ягича, Спб., 1885), „Письма Шафарика къ Бодянскому, и Григоровичу“ (П. Лаврова и М. Сперанскаго, въ чтеніяхъ О. И. и Д. Р. 1896, кн. 1 и 2) и. т. п. *О русскомъ славяновѣдѣніи*: П. Лавровскій, „O úspěchu slavistiky v Rusku“ („Časopis Musea kral. česk.“ 1860); А. А. Майковъ,, О славяновѣдѣніи въ Россіи“, въ „Бесѣдахъ“ Общества Любит. Росс. Словесн. вып. 2, М. 1868; А. Котляревскій, „Uspěchy slavistiky na Rusi v posledn. době, 1860 — 1872“ („Časopis M. K. C.“, 1874); А. Пыпинъ „Русское славяновѣдѣніе въ XIX в.“ („Вѣстн. Европы“, 1889, кн. 7, 8, 9), А. Кочубинскій, „Начальные годы русскаго славяновѣдѣнія“ (Одесса, 1880); „Жизнь и труды Погодина“ соч. П. П. Барсукова и проч.

II.

Русское общество и славянство [1]).

Наука славяновѣдѣнія въ Россіи, какъ извѣстно, еще очень молода. Съ тѣхъ поръ, какъ ей положено прочное и широкое основаніе нашими первыми незабвенными славистами, изъ которыхъ ни одного уже нѣтъ между нами, не прошло еще и полувѣка. Да и у западныхъ славянъ появленіе капитальнѣйшихъ трудовъ по исторіи и этнографіи славянства, поставившихъ эти предметы на твердую научную почву, относится къ той же эпохѣ. Только въ будущемъ (1887) году исполнится 50 лѣтъ со времени появленія въ свѣтъ чешскаго подлинника и первыхъ выпусковъ русскаго перевода (Бодянскаго) знаменитыхъ «Славянскихъ Древностей» Шафарика; его же не менѣе извѣстное «Славянское Народописаніе» и русскій переводъ этой книги явились еще нѣсколькими годами позже, въ 1842 и 1843 гг.

Для русскаго общества, или вѣрнѣе для русскаго литературнаго и ученаго міра впервые стало раскрываться западное и южное славянство, въ его прошломъ и настоящемъ, въ учено-литературныхъ трудахъ первыхъ русскихъ славистовъ, къ которымъ въ этомъ отношеніи примыкали даровитые дѣятели московскаго славянофильскаго кружка. Но долго, очень долго знакомство со славянскимъ міромъ, какъ плодъ научныхъ изученій и непосредственныхъ наблюденій, оставалось достояніемъ небольшого кружка русскихъ ученыхъ и немногихъ избранныхъ, друзей славянства въ литературномъ мірѣ и не находило себѣ распространенія въ болѣе широкомъ кругу образованнаго общества. Значительный поворотъ въ этомъ отношеніи замѣчается лишь въ послѣдніе годы, — и все-таки это дѣло — сколько-нибудь обстоятельнаго знакомства образованной массы со славянами — подвинулось впередъ слишкомъ мало, находится почти-что еще въ зародышѣ... Такую поразительную отсталость русскаго общества въ этомъ отношеніи можно объяснить только однимъ, а именно медленнымъ ростомъ славянскаго самосознанія въ немъ, которое въ историческія минуты проявлялось, правда, яркими вспышками, но затѣмъ опять какъ-бы уга-

[1]) Нѣсколько вступительныхъ словъ къ статьѣ „Новыя русскія пособія по славяновѣдѣнію“. Было напечатано въ „Варш. Дневникѣ“, 27 и 29 дек. 1886 г.

сало, не будучи еще достаточно сильно и развито, чтобъ получить постоянное и опредѣленное воплощеніе въ общественной дѣятельности и настроеніи. По неисповѣдимой волѣ судьбы ему постоянно приходилось бороться у насъ съ весьма существенными препятствіями и тормозами, часто исходившими изъ тѣхъ именно сферъ, которыя должны бы быть наиболѣе заинтересованы скорѣйшимъ его развитіемъ, какъ необходимѣйшимъ условіемъ успѣховъ Россіи въ осуществленіи ея историческихъ задачъ...

Нечего и говорить о томъ, какая могущественная роль въ развитіи тѣхъ или другихъ сторонъ общественнаго самосознанія принадлежитъ школѣ, какъ средней, такъ и высшей. Но представляла ли до сихъ поръ та и другая достаточно благопріятныя условія для возрожденія и укрѣпленія славянскаго сознанія въ подрастающихъ поколѣніяхъ — на это, мнѣ кажется, никто не усомнится отвѣчать отрицательно. Съ какими познаніями о современномъ славянствѣ и его исторіи оставляло школу и вступало въ жизнь и общественную дѣятельность до сихъ поръ русское юношество? Право, больно и стыдно подумать! Давно ли прошло то время (да и вполнѣ ли прошло, мы не рѣшаемся сказать), когда въ гимназическихъ учебникахъ преподаватели исторіи съ легкимъ сердцемъ перечеркивали немногія скудныя странички, посвященныя судьбамъ славянъ балканскихъ и австро-венгерскихъ, какъ излишнюю роскошь, могущую только обременить память учениковъ?... И выходили эти ученики съ запасомъ часто мелочныхъ свѣдѣній по исторіи Англіи, Франціи, Италіи, даже Испаніи и Португаліи и въ то же время безъ малѣйшихъ, сколько-нибудь точныхъ представленій о единоплеменныхъ намъ народностяхъ, ихъ исторіи и современныхъ отношеніяхъ!

Между тѣмъ событія послѣднихъ десятилѣтій все болѣе выдвигали впередъ славянскій вопросъ и идею славянскаго единенія, ставили Россію лицомъ къ лицу съ ея національно-историческими задачами, требовали отъ нея безотлагательнаго рѣшенія великихъ вопросовъ о бытіи и будущности цѣлыхъ славянскихъ народностей. Эти событія, согласно общему признанію, застали русское общество врасплохъ, совершенно неподготовленнымъ, до крайности малознакомымъ съ состояніемъ славянскаго міра, и, безъ сомнѣнія, эта отсталость не замедлила отразиться прискорбными послѣдствіями на самомъ рѣшеніи вопросовъ, въ которыхъ Россія была призвана принять авторитетное участіе. Несомнѣнно, послѣдняя (турецкая) война и послѣдующія событія на славянскомъ югѣ, несмотря на всѣ испытанныя нами разочарованія, сильно двинули впередъ славянское сознаніе въ русскомъ обществѣ; но при всемъ томъ дѣло спокойнаго, безпристрастнаго и толковаго ознакомленія нашей интеллигенціи съ запад-

нымъ и южнымъ славянствомъ въ его исторіи, этнографіи, литературѣ подвигалось до самаго послѣдняго времени чрезвычайно тихо и вяло. Урокъ исторіи оказался еще недостаточнымъ. Славяновѣдѣніе продолжало оставаться достояніемъ ученыхъ спеціалистовъ, да небольшихъ кружковъ славянолюбцевъ, примыкавшихъ къ «Славянскимъ Благотворительнымъ Обществамъ». Лишь въ самые послѣдніе годы можно замѣтить нѣкоторый утѣшительный поворотъ въ этомъ отношеніи. Журналистика наша стала серьёзнѣе относиться къ славянскимъ вопросамъ вообще и слѣдить за славянскою печатью, тогда какъ прежде (и еще недавно) она пробавлялась случайными, и конечно часто лживыми и тенденціозными сообщеніями по славянскимъ дѣламъ нѣмецкихъ и другихъ иностранныхъ газетъ. Это уже добрый признакъ. Но малую услугу дѣлу ознакомленія русской публики съ истиннымъ положеніемъ и внутренними дѣлами, а также и съ прошлою судьбою западнаго славянства уже оказало и оказываетъ становящееся все болѣе интереснымъ и содержательнымъ ежемѣсячное изданіе «Извѣстій Спб. Славянскаго благотворительнаго Общества». Наконецъ, чаще стали появляться популярные очерки по разнымъ отдѣламъ славяновѣдѣнія. Но всѣ эти проявленія общественнаго почина въ извѣстномъ направленіи далеко недостаточны, чтобы можно было на нихъ успокоиться и считать отнынѣ обезпеченнымъ дальнѣйшій успѣшный ростъ славянскаго сознанія въ русскомъ обществѣ вмѣстѣ съ дѣломъ основательнаго и плодотворнаго изученія своихъ западныхъ сонлеменниковъ. Мы сказали выше о роли школы въ этомъ вопросѣ. До сей минуты ни средняя, ни высшая школа наша не удовлетворяетъ потребностямъ и задачамъ времени, и на это обстоятельство пора бы обратить вниманіе нашему правительству. Отведеніе славянству, т. е. хотя-бы существеннымъ свѣдѣніямъ о немъ, но обязательно и систематически, подобающаго ему мѣста въ гимназическихъ учебныхъ программахъ, а затѣмъ возможно-широкая постановка славяновѣдѣнія въ нашихъ университетахъ—вотъ задачи, которыя давно на очереди, рѣшеніе которыхъ несомнѣнно составило бы эпоху въ исторіи какъ русскаго просвѣщенія, такъ и славянскаго сознанія въ Россіи, и упрочило бы добрую память о тѣхъ, кто совершилъ бы эту благую реформу. Основательное и всестороннее знаніе славянства, историческаго прошлаго и современнаго состоянія есть самая надежная основа и conditio sine qua non нашего столь желательнаго духовнаго сближенія съ братскими народами, а вмѣстѣ съ тѣмъ такъ недостающаго русскому обществу правильнаго и здраваго отношенія къ славянскому вопросу и къ великому историческому призванію Россіи въ этомъ вопросѣ, о чемъ, къ стыду нашему, еще слышатся разногласія и споры въ нашей литературѣ и публицистикѣ!... Пока нѣтъ истиннаго знанія и пониманія, не можетъ быть настоящаго и постояннаго интереса, истиннаго влеченія и сочувствія къ ихъ объекту, т. е.

къ славянамъ, ибо единство крови и нѣкоторыхъ общихъ началъ культурнаго развитія можетъ проявляться лишь инстинктивно, такъ сказать стихійными порывами въ критическіе моменты исторіи, а мы видимъ, что часто результаты такихъ сильныхъ, но лишь минутныхъ порывовъ, за которыми обыкновенно слѣдуютъ реакція и апатія, оказываются далеко не въ пользу славянскаго дѣла и, пожалуй даже, отдаляютъ насъ отъ конечной цѣли нашихъ національныхъ стремленій.

Что касается спеціально-научной области, то въ этомъ отношеніи русская славистика сдѣлала безспорно огромные успѣхи со времени 40-хъ годовъ. Русская наука обогащается ежегодно новыми учеными изслѣдованіями и диссертаціями по славистикѣ, но такіе труды находятъ себѣ читателей, конечно, только въ очень ограниченномъ кругѣ спеціалистовъ и любителей такого чтенія. Популяризація же славяновѣдѣнія, черезъ которую только и можетъ послѣднее распространиться въ массѣ общества, не можетъ, конечно, входить въ призваніе ученаго. Не говоря уже о томъ, что умѣнье писать общедоступно, живо и занимательно о предметахъ серьёзныхъ и даже сухихъ есть даръ очень не многихъ, — у ученаго рѣдко хватаетъ и времени на такую работу. Поэтому, естественно, ученые слависты, особенно занимающіе университетскія каѳедры, могутъ лишь случайно, урывками и сообразно съ своими личными наклонностями служить своимъ перомъ дѣлу популяризаціи славяновѣдѣнія, и несправедливо было бы осуждать ихъ за неудовлетвореніе этой насущной потребности: одни изъ нихъ совершенно не способны къ такой дѣятельности, другіе настолько поглощены своими спеціальными научными задачами, что просто не имѣютъ охоты отъ нихъ отвлекаться и разбрасываться. Дѣятели на такомъ поприщѣ ознакомленія массы читающей публики со славянствомъ должны найтись въ другой сферѣ, въ мірѣ литературномъ и публицистическомъ; если такихъ писателей у насъ до сихъ поръ еще почти не было, то это именно результатъ отсталости русскаго общества въ отношеніи къ славянскому сознанію. Только успѣхъ этого послѣдняго, а главное школа, которая воспитывала бы общество въ національно-славянскомъ духѣ и направленіи, въ состояніи создать у насъ общедоступную литературу по славяновѣдѣнію, начало которой уже во всякомъ случаѣ положено какъ учеными славистами, такъ и въ высшей степени почтенною издательскою дѣятельностью Славянскихъ Обществъ, особенно Петербургскаго и Кіевскаго. Будемъ надѣяться, что мы уже близки къ тому времени, когда славянство займетъ подобающее ему мѣсто въ нашей литературѣ [1]).

---

[1]) Тутъ слѣдовали отзывы о слѣдующихъ книгахъ: 1) Проф. А. Будиловичъ „Обзоръ областей западнаго и южнаго Славянства etc.“. Спб. 1886. 2) А. Степовичъ: „Очеркъ исторіи чешской литературы“, Кіевъ, 1886. 3) Е. де-Витте: „Чтенія по исторіи Славянъ“, Ковно, 1886.

III.

Знакомство со славянствомъ, какъ необходимый элементъ средняго образованія [1]).

Предстоящая реформа средней школы, вызванная крупными несовершенствами дѣйствующей классической системы и нынѣшнихъ гимназическихъ программъ, возбуждаетъ въ обществѣ много надеждъ и ожиданій.

Безчисленное множество появляющихся въ газетахъ и журналахъ статей, разсматривающихъ вопросъ съ самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія, свидѣтельствуетъ объ общемъ чрезвычайномъ къ нему интересѣ. Но встрѣчающіяся въ этихъ статьяхъ рѣзкія разногласія не только въ частностяхъ предлагаемаго обновленія школы, но и въ принципіальной сторонѣ дѣла, горячая и часто страстная полемика между представителями противоположныхъ взглядовъ и убѣжденій, доказываютъ еще разъ, какъ мудрена и трудна предлежащая задача и какъ въ самомъ обществѣ нашемъ, въ самой педагогической средѣ отсутствуютъ единомысліе и согласіе даже въ крупномъ и существенномъ, даже въ опредѣленіи цѣлей, не говоря уже о средствахъ къ ихъ достиженію, о подробностяхъ развитія основной идеи.

Но тѣмъ не менѣе есть все-же точки, въ которыхъ всѣ направленія и теченія общественной мысли сходятся и которыя уже не могутъ возбуждать сомнѣній и колебаній.

Необходимость устранить окончательно всѣ крайности классической системы и тѣмъ обезвредить ее, внести въ среднюю школу широкой струей необходимѣйшіе элементы реальнаго образованія и тѣмъ сблизить школу съ жизнью, съ ея запросами и съ современнымъ культурнымъ и умственнымъ развитіемъ человѣчества, — эта необходимость одинаково сознается огромнымъ большинствомъ нашего общества.

Другой важный пунктъ, въ которомъ — думается намъ — не могутъ не сходиться русскіе люди и о которомъ уже не разъ было говорено, — это крайняя необходимость сдѣлать русскую школу дѣйствительно по существу русскою, какъ говорятъ — національзовать ее, поставить ее на природную естественную основу, давъ въ ней первенство своему, родному,

[1]) Напечатано было въ „Новомъ Времени“, 1899, 10 ноябр., № 8521.

отечественному и въ содержаніи школьнаго обученія, т.-е. въ программахъ, и въ самомъ духѣ и направленіи учебной системы, дабы русская школа готовила дѣйствительно русскихъ людей, вполнѣ способныхъ и одушевленныхъ высокою цѣлью — служить истиннымъ интересамъ народа и государства.

Вотъ по поводу этой-то существенной задачи мы и хотимъ сказать нѣсколько словъ. Для осуществленія ея пришла крайняя пора; она неотложна. Великая истина высказана на-дняхъ въ статьѣ «Новаго Времени» (5-го ноября) «Народный профессоръ», что «вопросы русскаго національнаго самосознанія только еще бродятъ въ нашемъ обществѣ, но они совершенно не вошли въ нашу кровь и плоть и совершенно неясны большинству нашей интеллигенціи». Это печальное явленіе слишкомъ бросается въ глаза, чтобы надо было его доказывать, и оно сказывается во всемъ, во всѣхъ результатахъ нашей государственной, общественной и частной дѣятельности, въ нашей и внутренней и внѣшней политикѣ. Давно ли еще, въ разгаръ нашихъ западническихъ увлеченій, у насъ въ обществѣ могли говорить о существованіи «русской партіи» (partie russe) въ смыслѣ направленія взглядовъ и политическихъ убѣжденій? И до сихъ поръ мы сплошь и рядомъ встрѣчаемъ въ характеристикахъ нашихъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей выраженіе: вполнѣ русскій, истинно-русскій человѣкъ, какъ опредѣленіе свойства, его благопріятно выдвигающаго изъ числа многихъ другихъ...

Само собой понятно, что самый естественный, прямой и вѣрный путь къ поднятію національнаго самосознанія въ русскомъ обществѣ — это національзація русской школы, утвержденіе ея на прочныхъ національныхъ устояхъ, что вполнѣ возможно выполнить безъ всякаго ущерба той ширинѣ и такъ сказать «всечеловѣчности» образовательнаго кругозора, которыя всегда составляли ея неотъемлемое достоинство.

Всѣ согласны, что для достиженія такой цѣли необходимо отвести въ средней школѣ первенствующее, господствующее мѣсто собственно русскимъ изученіямъ — языка, литературы, исторіи и отечествовѣдѣнія въ самомъ широкомъ и разностороннемъ смыслѣ, и на это уже много разъ настоятельно указывалось въ печати. Но до сихъ поръ, повидимому, упускается изъ вида другой весьма важный моментъ, отъ котораго въ значительной мѣрѣ зависитъ успѣшный ростъ нашего національнаго не только русскаго, но и его обусловливающаго славянскаго самосознанія, и на который пора, наконецъ, обратить подобающее вниманіе.

Мы разумѣемъ введеніе въ учебную программу средней школы сколько-нибудь цѣльнаго и отчетливаго, хотя-бы элементарнаго ознакомленія съ славянскимъ міромъ, со всѣми прочими племенными развѣтвленіями

великой славянской семьи, т.-е. съ славянской этнографіей и исторіей и съ современнымъ состояніемъ не только главнѣйшихъ, но даже по возможности и меньшихъ славянскихъ племенъ въ отношеніяхъ политическомъ, культурномъ и литературномъ.

Полное отсутствіе элементовъ славяновѣдѣнія (если не считать бѣглыхъ и случайныхъ упоминаній) въ программахъ нашей школы является страннымъ, непонятнымъ и въ высшей степени чувствительнымъ пробѣломъ въ системѣ общаго образованія. Оно находитъ себѣ объясненіе только въ нашей національной незрѣлости и, въ свою очередь, поддерживаетъ послѣднюю.

Русское національное самосознаніе можетъ утвердиться лишь тогда, когда найдетъ себѣ естественную опору въ болѣе широкомъ славянскомъ племенномъ самосознаніи. Послѣднее должно его питать и придавать ему болѣе опредѣленный и осмысленный характеръ. Культурное призваніе русскаго народа и историческое его мѣсто въ мірѣ опредѣляются его первенствующею ролью въ великой славянской племенной особи. Чтобы чувствовать себя сильнымъ и стоять на высотѣ своего призванія, русскій народъ въ лицѣ своей интеллигенціи долженъ непрестанно поддерживать связь и духовное единеніе съ прочими членами славянской семьи. Не одна русская, но и славянская идея должна всегда одушевлять его.

Разорвать духовныя узы со всѣми другими, хотя и политически слабыми, но стойкими и мужественными представителями славянской идеи, признавать ихъ отрѣзаннымъ ломтемъ, чѣмъ-то чуждымъ и малоинтереснымъ для насъ — значило бы прямо подкапываться подъ собственное историческое зданіе, ограничивать и суживать свою міровую задачу.

Но чтобы поддерживать духовныя связи съ нашими соплеменниками, необходимо быть съ ними ближе знакомымъ, слѣдить за ихъ жизнью и интересами, за ихъ успѣхами и неудачами, понимать ихъ и сочувствовать имъ. Впрочемъ, и въ интересахъ собственнаго самосознанія и духовнаго развитія мы должны изучать нашихъ братьевъ. Чтобы лучше узнать самихъ себя, глубже понять свое прошедшее и настоящее и извлечь оттуда уроки для будущаго, мы должны подняться на нѣкоторую высоту созерцанія, откуда все видиѣе и яснѣе, а такую болѣе высокую точку зрѣнія намъ можетъ дать лишь славянское самосознаніе, выросшее изъ изученія всего славянскаго міра въ его цѣломъ и въ частяхъ, изъ пониманія его историческаго развитія, его культурныхъ задачъ.

Всякому понятна польза сравнительныхъ изученій въ области родственныхъ явленій и фактовъ. Чтобы лучше изслѣдовать русскій языкъ, мы прибѣгаемъ къ сравнительному методу и привлекаемъ къ изученію и другіе славянскіе языки и нарѣчія. Мы дѣлаемъ то же самое въ вопросахъ этно-

графіи, народной словесности и фольклора. Понятно, что и въ изученіи исторіи русскаго народа и государства, — исторіи политической, культурной и литературной, — нельзя точно также не искать поучительныхъ точекъ соприкосновенія и аналогій въ исторіи соплеменныхъ намъ народностей. Такой сравнительный методъ (хотя, надо сознаться, далеко не въ достаточной мѣрѣ) и прилагается къ русской ученой исторической литературѣ. Но результаты всѣхъ этихъ сравнительныхъ изученій, этого пріобщенія славяновѣдѣнія къ изученію Россіи и всего русскаго не должны оставаться достояніемъ одной лишь науки, однихъ лишь ученыхъ спеціалистовъ. Они должны становиться общимъ достояніемъ образованной среды общества, чтобы быть плодотворными для самой жизни, приносить пользу историческому развитію народа. А для этого знакомство со славянствомъ и должно сдѣлаться неотъемлемымъ элементомъ нашего школьнаго обученія, которое такимъ путемъ и пріобрѣтетъ недостающій ему національный отпечатокъ и болѣе широкую и твердую основу.

При такомъ нововведеніи русскіе люди будутъ уже въ средней школѣ, въ связи со всѣмъ цикломъ школьныхъ познаній, пріобрѣтать необходимыя общія свѣдѣнія о зарубежныхъ нашихъ соплеменникахъ — западныхъ и южныхъ, ихъ исторіи и этнографіи, современной жизни и бытѣ.

Тогда станетъ болѣе невозможнымъ то почти невѣроятное невѣжество въ славянскихъ дѣлахъ, которое обнаруживалось въ нашемъ обществѣ и даже въ печати въ послѣднія десятилѣтія по поводу важныхъ политическихъ событій въ славянскомъ мірѣ. Славянскій вопросъ, донынѣ всплывающій и волнующій русское общество лишь отъ времени до времени, можно сказать, случайно выдвигаемый лишь крупными событіями въ политической жизни Европы, но отъ котораго мы, хотя бы иные того и желали, не можемъ отдѣлаться, станетъ тогда, какъ и подобаетъ быть, предметомъ постояннаго бдительнаго вниманія и интереса русскаго общества и русской мысли: мы начнемъ относиться къ нему вполнѣ сознательно, съ истиннымъ знаніемъ дѣла.

Какимъ именно путемъ можетъ быть осуществленъ на дѣлѣ этотъ настоятельный запросъ нашего развитія, т. е. введеніе въ учебныя программы нашей средней школы начальнаго славяновѣдѣнія — это другой вопросъ, требующій спеціальнаго разсмотрѣнія. Но было бы уже большимъ успѣхомъ, еслибъ мы, не задаваясь пока мыслью созданія изъ него особаго класснаго предмета, на первый случай ввели въ достаточной мѣрѣ его элементы въ программы такихъ предметовъ, какъ русскій языкъ и словесность, географія съ этнографіей, исторія русская и всеобщая. Отъ внесенія въ преподаваніе этихъ предметовъ новой славянской струи оно можетъ только выиграть въ ясности, полнотѣ и основательности.

Не далеко еще то время, когда то немногое о славянахъ, что попадало, напримѣръ, въ наши учебники исторіи, безпощадно вычеркивалось самими преподавателями, какъ нѣчто совсѣмъ излишнее, безполезное... Пора намъ наконецъ загладить наши старые грѣхи.

Будемъ же надѣяться, что это страшное время прошло безвозвратно и что наступитъ скоро часъ, когда по крайней мѣрѣ элементарныя начала славяновѣдѣнія станутъ обязательной принадлежностью нашего средняго образованія.

IV.

Славяновѣдѣніе въ русскихъ университетахъ.

Какъ совокупность всѣхъ историко-филологическихъ наукъ, имѣющихъ объектомъ — славянство (для насъ, русскихъ — западное и южное), славяновѣдѣніе естественно вмѣщаетъ въ себѣ по крайней мѣрѣ *три совершенно особыя спеціальности*, а именно: 1) языкознаніе, или славянскую филологію въ тѣсномъ смыслѣ, 2) словесность и 3) исторію, — со всѣми ихъ отраслями и вспомогательными науками.

Нужно ли доказывать, что этой теоретической спеціализаціи предметовъ должна соотвѣтствовать спеціализація ихъ въ университетскомъ преподаваніи? Одна общая каѳедра славяновѣдѣнія есть въ сущности такая же несообразная и такая же нынѣ практически невыполнимая вещь, какой была бы каѳедра всего «руссовѣдѣнія», т. е. соединеніе въ одинъ предметъ русскаго языка, русской словесности и русской исторіи, или одна общая каѳедра германовѣдѣнія, романовѣдѣнія и т. п., каковыхъ никогда не существовало и трудно себѣ даже представить. При настоящемъ положеніи дѣла отъ представителя каѳедры славяновѣдѣнія требуется совмѣщеніе въ своей особѣ всего ряда историко-филологическихъ спеціальностей въ славянской области: онъ, строго говоря, долженъ быть и лингвистомъ, и знатокомъ старой письменности и палеографіи, и историкомъ литературы, и спеціалистомъ въ народной словесности и фольклорѣ и въ то же время историкомъ, этнографомъ и археологомъ...

Ясное дѣло, что такое совмѣщеніе не можетъ быть признано нормальнымъ и цѣлесообразнымъ. Если оно было когда-то объяснимо условіями времени и допустимо въ начальную пору славянскихъ изученій (хотя въ сущности и первые наши слависты были уже спеціалистами), то позже и тѣмъ болѣе нынѣ—съ разрастаніемъ славянской науки во всѣхъ отношеніяхъ, съ развитіемъ въ ней все большей спеціализаціи изученій — при быстрыхъ успѣхахъ отдѣльныхъ отраслей славистики, — такое объединеніе предметовъ въ одномъ лицѣ становится совершенной аномаліей, отнюдь не желательной.

Послѣдовавшее въ 1884 г. по новому университетскому уставу совершенно непонятное суженіе и ограниченіе преподаванія славистики — по-

средствомъ установленія каѳедры одной лишь «*славянской филологіи*» въ болѣе тѣсномъ смыслѣ и выдѣленія изъ прежняго состава ея *исторіи славянъ* въ видѣ частнаго, вспомогательнаго курса на историческомъ отдѣленіи—могло, разумѣется, только ухудшить положеніе дѣла и еще болѣе парализовать развитіе нашей науки въ университетскомъ преподаваніи [1]).

Явная неполнота въ постановкѣ славяновѣдѣнія въ нашихъ университетахъ давно уже обращала на себя вниманіе заинтересованныхъ въ этомъ спеціалистовъ: много объ этомъ говорилось, кое-что и писалось, но, къ сожалѣнію, донынѣ безъ результатовъ.

Позволю себѣ привести здѣсь выдержки изъ того, что было писано мною по этому вопросу болѣе 20 лѣтъ тому назадъ [2]).

«Возникновеніе неправильной постановки славянской каѳедры объясняется очень просто. Эта каѳедра — одна изъ самыхъ молодыхъ въ нашихъ университетахъ: она была учреждена въ 1839 году, а чтеніе «славянскихъ нарѣчій» сперва въ трехъ университетахъ (петербургскомъ, московскомъ и харьковскомъ) началось еще нѣсколькими годами позже, такъ какъ только въ 1840 году были отправлены въ славянскія земли на три года для спеціальной подготовки трое русскихъ ученыхъ, именно Прейсъ (отъ петерб. унив.), Бодянскій (отъ моск. унив.) и Срезневскій (отъ харьковск. унив.), которые столь блестящимъ образомъ выполнили возложенный на нихъ трудъ. До этой эпохи, т. е. до конца 30-хъ годовъ, наука славяновѣдѣнья на Руси едва только возникала, или лучше сказать, едва начинала пересаждаться на русскую почву отъ нашихъ западныхъ соплеменниковъ..... Первые опыты на новомъ научномъ поприщѣ стали появляться у насъ въ 20-хъ и 30-хъ годахъ, но то были рѣдкія, единичныя явленія, совершенно терявшіяся въ общемъ направленіи и ходѣ русской науки и просвѣщенія того времени. Только съ введеніемъ славяновѣдѣнья въ кругъ университетскаго преподаванія, т. е. съ начала сороковыхъ годовъ, дѣло приняло другой оборотъ. При такихъ условіяхъ, естественно, учредители славянской каѳедры не могли и думать о спеціа-

[1]) Единственнымъ отраднымъ исключеніемъ являлась и продолжаетъ быть постановка славистики въ Варшавскомъ университетѣ, по уставу котораго (1869), и нынѣ дѣйствующему, благодаря заботамъ перваго его ректора, слависта П. А. Лавровскаго — были учреждены двѣ славянскія каѳедры (1) славянскія нарѣчія и литературы и 2) славянскія древности), къ представителямъ которыхъ былъ присоединенъ по счастливой идеѣ еще доцентъ — для практическаго преподаванія нарѣчій. Тамъ же позже (въ нач. 1880-хъ г.) учреждена особая каѳедра исторіи польской литературы. На юридическомъ-же факультетѣ существуетъ тамъ каѳедра „Исторіи славянскихъ законодательствъ“, которой нигдѣ болѣе нѣтъ.

[2]) „Новое Время“, 1878 г. 24 дек. № 1015 „Каѳедры *славянскихъ нарѣчій* въ нашихъ университетахъ“.

лизаціи предметовъ славистики въ самомъ преподаваніи. Гдѣ же было взять въ то время достаточное число спеціалистовъ профессоровъ, когда ихъ и быть еще не могло? Да и что они могли бы сдѣлать при тогдашнемъ отсутствіи у насъ всякой разработки и литературы предмета. Изъ этого ясно, что положеніе профессора славяновѣдѣнія въ ту эпоху было совершенно исключительное, совершенно иное, чѣмъ въ позднѣйшее, а особенно въ настоящее время. Такъ продолжалось, пока славянская наука не сдѣлала у насъ такихъ явныхъ успѣховъ и не достигла такой ступени развитія, когда для одного человѣка не можетъ быть болѣе и рѣчи о научныхъ занятіяхъ славяновѣдѣньемъ вообще, т. е. всею совокупностью его предметовъ, а ему необходимо создать себѣ опредѣленныя рамки, ограничиться какою-нибудь одною отраслью, пользуясь другими, лишь какъ вспомогательными. Даже слѣдить вполнѣ добросовѣстно за быстро возрастающей литературой и развитіемъ другихъ отраслей становится годъ отъ году все труднѣе. И такъ, не очевидна ли вполнѣ несообразность, по которой на одного профессора возлагается преподаваніе всѣхъ славянскихъ предметовъ?»...

«Такъ раздробленіе каѳедры «славянскихъ нарѣчій» на нѣсколько самостоятельныхъ отдѣленій, изъ которыхъ каждое должно быть поручено особому профессору-спеціалисту, является, по нашему мнѣнію, совершенно необходимымъ, и при томъ въ скорѣйшемъ времени. Вопросъ же о томъ, какъ совершить это раздѣленіе, не представляетъ затрудненій и разрѣшается какъ нельзя болѣе просто — естественной спеціализаціей самой науки: врядъ ли въ этомъ отношеніи возможно большое разногласіе»...

Здѣсь проектировалось самое естественное раздѣленіе славянской каѳедры на три самостоятельныя—соотвѣтственно тремъ главнымъ спеціальнымъ научнымъ группамъ: языкознанію, словесности и исторіи — такимъ образомъ, чтобы 1) въ каѳедру *славянскаго сравнительнаго языкознанія* и славянской діалектологіи входили, конечно, и исторія языка и древнѣйшая письменность съ палеографіей, 2) въ каѳедру *словесности* — рядомъ съ исторіей славянскихъ литературъ — народная словесность и фольклоръ, и, наконецъ 3) въ каѳедру *славянской исторіи* — также историческая этнографія и славянскія древности.

«Изъ этого распредѣленія, говорилось дальше, можно видѣть, что и при такой группировкѣ предметовъ на долю каждаго профессора придется весьма обширная научная область, ни въ чемъ не уступающая областямъ другихъ подобныхъ же факультетскихъ предметовъ, каковы, напримѣръ: русская словесность, русская исторія, всеобщая литература и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ каждый изъ профессоровъ будетъ въ состояніи добросовѣстно отнестись къ своему дѣлу, а преподаваніе получитъ систему и равномѣрность,

что, въ свою очередь, должно съ пользою отразиться на успѣшномъ развитіи у насъ всѣхъ спеціальностей славяновѣдѣнія. А пока этого нѣтъ, никакой системы и равномѣрности ни въ преподаваніи, ни въ движеніи науки ожидать невозможно. Не трудно замѣтить, что въ настоящее время въ каждомъ университетѣ случайно преобладаетъ та или другая отрасль славяновѣдѣнія, смотря по тому, которую изъ нихъ спеціально разрабатываетъ профессоръ, а слѣдовательно и научное направленіе молодыхъ ученыхъ, посвящающихъ себя славистикѣ, зависитъ большею частью отъ случая. Между тѣмъ направленіе это опредѣляетъ всю будущую ихъ научную дѣятельность и успѣхи въ ней. Будемъ же надѣяться, что такое ненормальное явленіе долго не продолжится, и что къ удовольствію всѣхъ истинно радѣющихъ объ успѣхахъ славяновѣдѣнія въ Россіи — вопросъ о раздѣленіи славянской каѳедры дождется, наконецъ, давно желаннаго разрѣшенія въ ближайшемъ будущемъ».

Такъ живо чувствовалась эта потребность въ расширеніи и университетской спеціализаціи славистики почти четверть вѣка тому назадъ!

Что же произошло съ тѣхъ поръ? Увы! мы не только не подвинулись впередъ въ этомъ отношеніи, но, какъ выше было упомянуто, послѣдній университетскій уставъ 1884 г. лишилъ славистику и той скромной роли, какую она дотолѣ играла среди факультетскихъ предметовъ. По этому уставу всѣ предметы славянской каѳедры сведены къ одному, какъ частному въ русско-словесномъ отдѣлѣ, къ «*славянской филологіи*», понимаемой въ весьма ограниченномъ и неопредѣленномъ значеніи и объемѣ—по преимуществу въ смыслѣ языковѣдѣнія. На сколько второстепенна и почти ничтожна роль, предоставленная съ тѣхъ поръ этому предмету и этой каѳедрѣ, видно всего лучше изъ установленныхъ для государственныхъ испытаній экзаменныхъ требованій. Здѣсь не имѣется *ни одной* программы ни по одному изъ отдѣловъ славистики, а дана лишь маленькая инструкція, которая гласитъ:

«Отъ испытуемаго требуется навыкъ и умѣнье бѣгло читать, переводить и разбирать образцы народной поэзіи и лучшихъ писателей на одномъ изъ южныхъ (сербскомъ или болгарскомъ) и на одномъ изъ сѣверныхъ (польскомъ или чешскомъ) славянскихъ нарѣчій и знакомство съ главными основаніями историко-сравнительной грамматики славянскихъ языковъ. Онъ долженъ обнаружить, кромѣ того, знакомство съ главнѣйшими данными географическаго распредѣленія и этнографіи славянъ, а также и исторіи и литературы» [1]).

---

[1]) Правила, требованія и программы испытаній въ комиссіи историко-филологической, Спб. 1899 г., стр. 31.

Само собой понятно, что такія до крайности умаленныя и приниженныя, къ тому же вполнѣ неопредѣленныя требованія, особенно по всѣмъ предметамъ словесной и исторической части въ славяновѣдѣніи, давая нѣкоторый просторъ одному лишь собственному славянскому языкознанію, ставятъ преподаваніе славистики въ университетѣ въ самыя узкія рамки, даютъ ему одностороннее направленіе и прямо-таки почти вычеркиваютъ изъ содержанія прежней славянской каѳедры рядъ такихъ крупныхъ и существенныхъ ея вѣтвей, каковы исторія славянскихъ литературъ, этнографія, древности и политическая исторія славянскихъ народовъ.

Правда, послѣдней, т. е. славянской исторіи оказано маленькое снисхожденье — тѣмъ, что сжатый (по извѣстной, надо сказать, довольно несообразно составленной программѣ) курсъ по исторіи славянскихъ народовъ введенъ какъ дополнительный на историческомъ отдѣленіи. Конечно, такое удачное пополненіе курсовъ этого отдѣленія можно только одобрить, ибо оно чрезвычайно полезно для спеціалистовъ какъ русской, такъ и всеобщей исторіи. Но спрашивается: къ чему же понадобилось выдѣлять и исторгать этотъ предметъ изъ общаго круга предметовъ славяновѣдѣнія и лишать усвоенія его славистовъ, для которыхъ онъ не менѣе важенъ и существенъ?

Такой рѣшительный шагъ назадъ совершенно непонятенъ, и я не берусь объяснять тѣхъ взглядовъ и тенденцій, которыми онъ былъ обусловленъ.

Надо признать, что de facto въ нѣкоторыхъ университетахъ, особенно столичныхъ, благодаря учрежденію приватъ-доцентуры и усиліямъ наличнаго состава преподавателей, студенты-слависты имѣютъ возможность прослушать обстоятельные курсы и по тѣмъ предметамъ славяновѣдѣнія, которые оффиціально сведены на нѣтъ, но это во всякомъ случаѣ происходитъ независимо и даже вопреки программамъ и требованіямъ устава, да и наблюдается это лишь кое-гдѣ. При строгомъ же слѣдованіи факультетскимъ программамъ, т. е. при пренебреженіи ко всѣмъ отраслямъ славистики, кромѣ языковѣдѣнія, — изъ нашихъ университетовъ могли бы выходить развѣ только узкіе славянскіе лингвисты безъ сколько-нибудь основательной подготовки въ общемъ славяновѣдѣніи, а такіе ученые, призванные къ занятію нераздѣленной славянской каѳедры, очутились бы въ большомъ затрудненіи, ибо не могли бы по совѣсти взять на себя чтенія чего-либо иного, кромѣ славянскаго языкознанія.

Каѳедра *Славянской филологіи* въ тѣсномъ значеніи слова будетъ имѣть смыслъ лишь съ учрежденіемъ рядомъ съ ней каѳедръ: *Исторіи славянскихъ литературъ* и *Исторіи и древностей славянскихъ народовъ*. Для каждаго слависта должно быть обязательно слушанье всѣхъ общихъ курсовъ этихъ спеціальныхъ группъ и сдача по нимъ экзаменовъ: это дастъ ему широкую общую основу для его науки, но отъ него бу-

детъ зависѣть избрать для спеціальнаго изученія ту или другую группу—сообразно со своими способностями и наклонностями.

При такомъ разграниченіи легко будетъ ввести необходимые элементы славяновѣдѣнія и въ другіе спеціальные группы родственныхъ факультетскихъ предметовъ. Такъ для *лингвистовъ* (спеціалистовъ по русскому языку или сравнительному языкознанію) должны бы быть обязательны курсы по славянскому языковѣдѣнію, для *словесниковъ* (по русской или всеобщей литературѣ) — чтенія по каѳедрѣ исторіи славянскихъ литературъ, а для *историковъ* (спец. по русской и всеобщей исторіи)—курсы по каѳедрѣ славянскихъ древностей и исторіи славянскихъ народовъ (какъ это и нынѣ имъ обязательно). Разумѣется, это разграниченіе будетъ начинаться лишь съ третьяго курса, со спеціализаціей предметовъ; на младшихъ же должны бы читаться для всѣхъ филологовъ *равно обязательные* курсы: а) *славянскихъ нарѣчій* (профессоромъ славянской филологіи) и б) *этнографическаго обозрѣнія славянъ* (профессоромъ слав. исторіи и этнографіи). Лишь при такомъ условіи для словесниковъ и историковъ будетъ плодотворно слушанье спеціальныхъ курсовъ по литературамъ и исторіямъ славянъ.

Только такая постановка славистики въ университетахъ будетъ соотвѣтствовать значенію и достоинству самого предмета, введетъ постепенно его элементы во всѣ отрасли русской филологической и исторической науки (въ отсутствіи чего надо же признать ея несомнѣнную отсталость) и обезпечитъ ему у насъ дальнѣйшіе успѣхи и развитіе, достойные первенствующей роли Россіи въ славянствѣ.

Нельзя кстати не отмѣтить здѣсь еще одной настоятельной потребности, касающейся славяновѣдѣнія въ нашихъ университетахъ. Я разумѣю своевременность учрежденія каѳедры *Исторіи славянскихъ законодательствъ* на юридическихъ факультетахъ всѣхъ русскихъ университетовъ. Нынѣ такая каѳедра имѣется и представлена въ одномъ только Варшавскомъ университетѣ [1]). Нечего, кажется, и распространяться о томъ, насколько въ интересахъ самой науки и углубленія въ ней славянской струи, а также расширенія славянскихъ изученій въ нашемъ обществѣ желательно преподаваніе этого предмета нашимъ юристамъ.

Въ заключеніе намъ остается отъ души пожелать, чтобъ намѣченныя здѣсь улучшенія въ университетской постановкѣ славянскихъ предметовъ, а равно и не менѣе желательное введеніе элементарнаго славяновѣдѣнія въ нашу среднюю школу не заставили себя долго ждать.

---

[1]) Занимаетъ ее выдающійся спеціалистъ проф. Ѳ. Ѳ. Зигель. Когда-то занималъ таковую же въ Одессѣ проф. Богишичъ.

Не будемъ забывать, что отъ этого, какъ отъ одного изъ условій роста нашего національнаго самосознанія, зависятъ успѣхи истиннаго культурно-историческаго развитія нашего отечества.

Предыдущая замѣтка была уже написана, когда мнѣ привелось познакомиться съ поучительной докладной запиской знаменитаго слависта П. Шафарика объ учрежденіи славянской каѳедры въ австрійскихъ университетахъ и прежде всего въ Прагѣ (она была подана имъ въ 1846 г. высшему правительству въ Чехіи) [1]). Эта записка дала мнѣ поводъ вспомнить о другой не менѣе интересной докладной запискѣ Шафарика же, поданной имъ въ 1841 г. прусскому министру народнаго просвѣщенія въ отвѣтъ на приглашеніе выработать программу университетскаго преподаванія славяновѣдѣнія (отъ занятія славянской каѳедры въ Берлинѣ онъ, какъ извѣстно, отказался).

Эта послѣдняя весьма обстоятельная записка, подъ заглавіемъ «Мысли о постановкѣ изученія славянскихъ языковъ въ прусскихъ университетахъ», была напечатана П. А. Поповымъ въ нѣмецкомъ подлинникѣ въ Приложеніяхъ къ «Письмамъ къ М. П. Погодину изъ славянскихъ земель», стр. 434 — 442, и въ русскомъ переводѣ напечатана П. А. Лавровымъ въ его книгѣ «Жизнь и ученая дѣятельность П. І. Шафарика» (М. 1897, изъ II т. Трудовъ славянской комиссіи при И. М. Арх. Общ., стр. 94 — 102) и снабжена имъ примѣчаніями.

Эта программа, хотя написанная почти 60 лѣтъ тому назадъ и притомъ для нѣмецкихъ университетовъ, заключаетъ въ себѣ много драгоцѣнныхъ указаній также и примѣнительно къ русскимъ университетамъ, такъ что, по справедливому замѣчанію г. Лаврова, ими можно бы и нынѣ воспользоваться для наилучшей постановки у насъ преподаванія славяновѣдѣнія.

Весьма поучительно, что и для прусскихъ университетовъ Шафарикъ рекомендовалъ ввести въ славянскую каѳедру рядомъ съ славянскимъ языковѣдѣніемъ — исторію славянскихъ литературъ, а также другіе реальные отдѣлы науки, какъ «славянскія древности, миѳологію, этнографію,

---

[1]) Сообщеніемъ мнѣ копіи этой любопытной записки я обязанъ доценту Имп. Варшавскаго университета В. А. Францеву, который, по всей вѣроятности, не замедлитъ издать ее. Она нѣкогда должна была войти въ тотъ (IV-ый) томъ сочиненій Шаф. (изд. І. Пречка „P. I. Šafarika Sebrane Spisy"), который остался неизданнымъ. Записка заключаетъ въ себѣ краснорѣчивое и убѣдительное обращеніе къ австрійскому правительству о необходимости поднятія и поощренія научнаго славяновѣдѣнія и славянской филологіи въ Австріи — посредствомъ основанія особой университетской каѳедры по этому предмету,—главнымъ образомъ въ виду состоявшагося уже тогда учрежденія таковой въ университетахъ Пруссіи и Россіи и важности для Австріи удержать за собой гегемонію въ славянской филологической наукѣ.

политическую и культурную исторію славянскаго племени, будетъ ли то въ отдѣльныхъ экскурсахъ или инымъ образомъ, при чемъ этотъ предметъ для студентовъ какъ нѣмецкаго, такъ и славянскаго происхожденія долженъ былъ бы стать поистинѣ полезнымъ и плодотворнымъ»...

Не менѣе любопытно и то, что Шафарикъ, говоря о методахъ преподаванія, рекомендуетъ подраздѣленіе курсовъ славяновѣдѣнія на два, *подготовительный* и *высшій*, что вполнѣ соотвѣтствуетъ указанной нами выше желательной постановкѣ преподаванія славистики съ общими курсами до его спеціализаціи.

Наконецъ, весьма интересно прочесть тутъ же слова Шафарика: «*Чтобы единственный профессоръ все это въ состояніи былъ исполнить, въ этомъ можно по справедливости сомнѣваться*», вслѣдствіе чего онъ считаетъ необходимымъ дать славянскимъ профессорамъ въ Берлинѣ и Вратиславлѣ—помощниковъ... Не забудемъ, что это было въ 1841 году!..

Съ большимъ удовольствіемъ прочелъ я и примѣчанія П. А. Лаврова къ этой запискѣ и нашелъ въ нихъ ясно и убѣдительно выраженными тѣ самые взгляды на университетскую постановку у насъ славяновѣдѣнія, которые мною были высказаны на предшествующихъ страницахъ. Да это и не удивительно, когда самое дѣло такъ громко говоритъ за себя, и у людей сколько-нибудь къ нему прикосновенныхъ не можетъ быть двухъ мнѣній на этотъ счетъ.

Я тѣмъ не менѣе позволю себѣ для пользы дорогого намъ дѣла привести здѣсь хоть въ извлеченіи эти авторитетныя слова по занимающему меня вопросу нынѣшняго представителя славянской каѳедры въ С.-Петербургскомъ университетѣ.

По поводу упомянутаго плана Шафарика относительно раздѣленія курсовъ славистики на *приготовительный* и *высшій*, г. Лавровъ замѣчаетъ: «Къ сожалѣнію, эта мысль въ программѣ нашихъ университетовъ не нашла примѣненія. А между тѣмъ важность ея очевидна. Если бы у насъ были приняты два курса, то студенты легко пріобрѣтали бы знакомство съ живыми славянскими нарѣчіями въ гораздо большей степени, нежели это дѣлается теперь. А такое знаніе нарѣчій, безъ сомнѣнія, способствовало бы общимъ интересамъ преподаванія. Мы уже не говоримъ о важности такого знакомства съ живыми нарѣчіями для студентовъ отдѣленія славянорусской филологіи. Легко владѣя главными нарѣчіями, каждый оканчивающій филологъ имѣлъ бы возможность пользоваться ихъ литературами при своихъ занятіяхъ, каковы бы онѣ ни были, ученыя или педагогическія. Но и студенты другихъ отдѣленій были бы въ несомнѣнномъ выигрышѣ. Такъ, напр., программа государственныхъ экзаменовъ требуетъ отъ студентовъ историковъ знанія исторіи славянъ. Включеніе ея въ обяза-

тельную программу университетскаго преподаванія слѣдуетъ признать важной заслугой новаго устава, но тѣ условія, въ которыхъ поставленъ предметъ, оставляютъ желать многаго. Приготовительный курсъ славянскихъ нарѣчій облегчилъ бы студентамъ этого отдѣленія доступъ къ источникамъ и литературѣ по исторіи славянъ на славянскихъ нарѣчіяхъ. А вѣдь исторія славянъ, помимо ея интереса, сама по себѣ получаетъ особенную важность и при изученіи цѣлаго ряда вопросовъ отечественной исторіи. Русскія древности, лѣтописные и юридическіе памятники могутъ быть успѣшно изучаемы въ совокупности и связи съ такими же у другихъ славянъ, и пониманіе древнихъ текстовъ много выигрываетъ при знакомствѣ съ славянскими нарѣчіями». («Жизнь и ученая дѣятельность П. І. Шафарика», стр. 98, прим.).

Мнѣніе г. Лаврова о необходимости раздробленія славянской каѳедры также вполнѣ совпадаетъ съ высказаннымъ мною, при чемъ есть лишь маленькія отличія въ группировкѣ предметовъ [1]). Вотъ что говоритъ по этому вопросу почтенный профессоръ:

«Если въ нѣмецкихъ университетахъ Шафарикъ считалъ недостаточнымъ одного профессора, то тѣмъ болѣе есть можно сказать объ университетахъ славянскихъ и русскихъ. Если въ свое время было недостаточно одного профессора, то тѣмъ болѣе есть нужда въ помощникахъ въ наше время, когда славяновѣдѣніе разрослось. И въ самомъ дѣлѣ, возможно ли одному человѣку читать и всѣ курсы по языку, и курсъ по славянскимъ литературамъ? Вѣдь если даже взять только главныя изъ нихъ, польскую, чешскую, сербо-хорватскую и болгарскую, то какъ изученіе ихъ, такъ и преподаваніе должно всецѣло поглощать силы преподавателя да и тогда трудно быть одинаковымъ знатокомъ всѣхъ отдѣловъ предмета. А между тѣмъ у насъ есть университеты, гдѣ преподаваніе находится въ рукахъ одного лица! Самое естественное раздѣленіе каѳедры славяновѣдѣнія было бы таково: 1) церковнославянскій языкъ и нарѣчія должны были быть сосредоточены въ рукахъ преподавателя лингвиста. Такой преподаватель читалъ бы и курсъ по исторіи русскаго языка; 2) исторія славянскихъ литературъ, славяно-русская палеографія, разборъ отдѣльныхъ авторовъ или древнихъ памятниковъ на семинаріи лежали бы на особомъ преподавателѣ, и 3) исторія славянъ и славянскія древности должны были бы читаться третьимъ преподавателемъ, при чемъ для успѣховъ преподаванія

[1]) Они касаются пріуроченія исторіи письма, палеографіи по памятникамъ старой письменности — къ исторіи языка и языковѣдѣнію (какъ у меня предложено) или къ каѳедрѣ исторіи славянскихъ литературъ (какъ у г. Лаврова). И то и другое, по моему мнѣнію, имѣетъ свои выгодныя и невыгодныя стороны, но практика, кажется, болѣе на моей сторонѣ.

было бы важно, чтобы студенты-историки приступали къ слушанію курса, зная нарѣчія, и чтобы исторію славянъ слушали также студенты славяно-русскаго отдѣленія. Только при такихъ условіяхъ преподаваніе славяновѣдѣнія стало бы на ту высоту, которая можетъ быть желательной въ самомъ могущественномъ славянскомъ государствѣ. Между тѣмъ при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ до сихъ поръ находится преподаваніе славяновѣдѣнія, результаты были далеко не утѣшительны. Въ преподаваніи всегда выдвигалась та сторона предмета, которою былъ заинтересованъ преподаватель. Если онъ былъ языковѣдъ, то студенты слушали курсы по языку и были лишены возможности слушать лекціи по исторіи литературы и древностямъ; наоборотъ, когда интересъ профессора сосредоточивался на занятіяхъ исторіей, студенты являлись хорошо подготовленными для занятій въ этомъ отдѣлѣ, но зато курсы по нарѣчіямъ выходили слабѣе»... (Тамъ же, стр. 99 прим.).

Изъ этихъ выписокъ читатель видитъ, какъ мысли г. Лаврова вполнѣ сходятся съ выше мною изложенными. Можно съ увѣренностью сказать, что ихъ не могутъ не раздѣлять по существу и всѣ наши спеціалисты по славянской наукѣ. Всегда будутъ оттѣнки и разногласія мнѣній относительно подробностей, но сущность дѣла отъ этого не измѣняется.

Заключеніе.

Въ помѣщенныхъ выше замѣткахъ о судьбѣ и современномъ значеніи славяновѣдѣнія я высказалъ нѣсколько пожеланій, отъ исполненія которыхъ, по моему убѣжденію, зависятъ столь важные для нашего національнаго прогресса успѣхи славянскихъ изученій, расширеніе славянскихъ интересовъ и симпатій въ русскомъ обществѣ.

Не лишне будетъ въ заключеніе, перечислить здѣсь главнѣйшія наши desiderata по этой части, прибавивъ къ уже сказанному еще нѣсколько соображеній.

Нечего доказывать, что лучшее средство поддержать въ обществѣ интересъ къ какому-либо предмету или области вѣдѣнія — есть широкая популяризація этихъ послѣднихъ въ литературѣ и вообще въ печати. Но для успѣшности такой популяризаціи, необходимо, чтобы почва для ея дѣйствія была сколько-нибудь подготовлена, чтобы она шла на встрѣчу уже достаточно назрѣвшимъ духовнымъ потребностямъ и общественнымъ запросамъ.

Въ данномъ случаѣ, хоть таковые запросы уже существуютъ и замѣтно проявляются, но они могутъ быть оживлены и поддержаны всего скорѣе и вѣрнѣе *школой*, всегда дающей то или другое направленіе и народной образованности и литературѣ.

Итакъ, не можетъ быть сомнѣнія, какъ и выше было уже указано, что самый простой и вѣрный путь къ намѣченной цѣли — есть существенное *улучшеніе постановки славяновѣдѣнія въ университетахъ* и *введеніе его элементовъ въ среднюю школу*, въ учебныя программы гимназій какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, и реальныхъ училищъ. Мы не сомнѣваемся, что такое офиціальное, государственное признаніе за славяновѣдѣніемъ его естественныхъ правъ на достойное мѣсто въ системѣ общаго школьнаго образованія — будетъ имѣть слѣдствіемъ широкую литературную и учебную популяризацію этого предмета и появленіе въ изобиліи того, въ чемъ нынѣ чувствуется такой недостатокъ, т. е. всякихъ руководствъ и пособій по славистикѣ.

Я уже замѣтилъ выше, что составленіе такихъ книгъ не есть задача однихъ ученыхъ спеціалистовъ, а есть также дѣло писателей-популяризаторовъ, получившихъ основательную подготовку въ этой области. Особенно же можно расчитывать на педагоговъ, которыхъ не замедлитъ выдвинуть сама школа съ введеніемъ въ ея программы элементовъ славяновѣдѣнія.

Но ждать, сложа руки, этой желательной реформы и ея благотворныхъ послѣдствій было бы непростительно, ибо безъ того уже много упущено времени и давно пора приступить къ дѣлу, которое съ каждымъ днемъ становится все болѣе нужнымъ и неотложнымъ и пренебреженіе къ которому уже имѣло въ нашей внѣшней политической дѣятельности истекающаго вѣка довольно печальные, а впредь можетъ имѣть еще болѣе печальные и пожалуй роковые результаты. Поэтому всякій, кто понимаетъ важность вопроса и имѣетъ къ тому необходимые способы и средства, долженъ бы по мѣрѣ силъ всячески содѣйствовать предлежащей задачѣ — возможно большей популяризаціи славяновѣдѣнія, всѣми мѣрами пропагандируя, поощряя и поддерживая славянскія изученія и такъ или иначе работая въ смыслѣ укрѣпленія славянской духовной взаимности.

Я позволю себѣ здѣсь намѣтить въ сферѣ общественнаго и частнаго почина то, что въ настоящее время наиболѣе желательно въ интересахъ сказанной популяризаціи.

Необходимо однакожъ оговориться, что на осуществленіе всѣхъ этихъ предначертаній необходимы крупныя матеріальныя жертвы, ибо безъ достаточныхъ средствъ въ такомъ дѣлѣ трудно чего-либо достигнуть. Но неужели же на такое важное культурное дѣло дѣйствительно нельзя добыть средствъ? Не вѣрится этому. Думается, что и средства найдутся достаточныя, если только сумѣть ихъ отыскать. Надо только расшевелить общественныя силы, привлечь къ дѣлу нужные капиталы, т. е. заинтересовать и увлечь лицъ и предпринимателей, обладающихъ ими и готовыхъ послужить хорошему, патріотическому и національному дѣлу. Въ такихъ людяхъ никогда не было недостатка на Руси... Нужны только энергическій починъ и умѣлость со стороны общественныхъ организацій и группъ, заинтересованныхъ въ томъ и призванныхъ служить славянскому дѣлу, а равно и частныхъ лицъ, которыя располагаютъ средствами успѣшно дѣйствовать на этомъ поприщѣ и которымъ близки къ сердцу успѣхи славянскаго самосознанія и русскіе національные интересы.

Главныя наши пожеланія сводятся къ слѣдующимъ пунктамъ.

Во 1-хъ, желательно *усиленіе и расширеніе издательской дѣятельности нашихъ Славянскихъ Обществъ.* Ими уже кое-что сдѣлано и дѣлается, но впереди еще очень широкое поле для работы по изданію руководствъ, пособій и популярныхъ очерковъ по всѣмъ от-

раслямъ славяновѣдѣнія. Неотложность этой задачи живо сознается самими этими Обществами, и въ настоящее время С.-Петербургское Славянское Общество, какъ слышно, имѣетъ въ виду бо́льшее развитіе именно этой стороны своей почтенной дѣятельности. Главнѣйшимъ тормозомъ въ этихъ начинаніяхъ является все то же: скудость матеріальныхъ средствъ, а въ зависимости отъ этого и недостатокъ научно-литературныхъ силъ, которыми можетъ располагать Общество. Будемъ надѣяться, что оно преодолѣетъ эти затрудненія.

2) *Основаніе русскаго періодическаго органа по славяновѣдѣнію* является одной изъ самыхъ существенныхъ и живыхъ потребностей нашего времени. Такое изданіе было бы самымъ могучимъ средствомъ между-славянскаго общенія и сближенія, лучшимъ проводникомъ идей славянской взаимности и духовнаго единенія и самымъ удобнымъ орудіемъ популяризаціи научныхъ славянскихъ изученій. Пользу такого изданія доказали уже бывшія попытки въ этомъ родѣ. Если онѣ были до сихъ поръ такъ скромны и, къ сожалѣнію, недолговѣчны, то лишь потому, что имъ опять-таки недоставало прочнаго матеріальнаго обезпеченія. Конечно, не совсѣмъ цѣлесообразно совмѣщать въ одномъ и томъ же изданіи задачи научныя, литературныя и публицистическія. Но со временемъ эти задачи могли бы найти себѣ отдѣльное осуществленіе въ двухъ разныхъ изданіяхъ: а) научномъ и б) литературно-публицистическомъ. Я говорилъ уже въ другомъ мѣстѣ по поводу нѣмецкаго «Архива» г. Ягича о чрезвычайной важности созданія подобнаго ему *русскаго* ученаго журнала по славистикѣ, который, объединивъ въ себѣ всѣ ея славянскія ученыя историко-филологическія силы, принадлежалъ бы всецѣло славянству и славянской наукѣ. Конечно, такой ученый русско-славянскій органъ могъ бы всего легче возникнуть или при одномъ изъ нашихъ столичныхъ университетовъ, или при Академіи Наукъ [1]). Другое же общеславянское изданіе—литературно-публицистическаго характера, также не менѣе важное для отмѣченныхъ цѣлей, должно бы стать одною изъ главныхъ задачъ и заботъ С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества.

3) Большія услуги дѣлу развитія и обогащенія русской популярной литературы по славяновѣдѣнію оказала бы *организація нашихъ взаимныхъ книжныхъ сношеній со славянами*, которыя до сихъ поръ находились въ самомъ плачевномъ и примитивномъ состояніи. Кто путешествовалъ по славянскимъ землямъ, тотъ знаетъ, какъ повсюду раздаются жалобы на трудность, иногда прямо невозможность добыть русскую книгу,

---

[1]) Объ этомъ см. также у П. А. Лаврова въ вышеназванной статьѣ его о Шафарикѣ, стр. 103.

въ которой чувствуется такая огромная потребность. Если вопреки всему этому русскій языкъ довольно быстро распространяется среди славянъ, то чего бы можно было ожидать при болѣе легкомъ доступѣ къ нимъ русскихъ книгъ и изданій? Конечно, до нѣкоторой степени и сами славяне виновны въ этихъ затрудненіяхъ. Но для нихъ есть смягчающія обстоятельства:— въ большинствѣ случаевъ неимѣніе достаточныхъ средствъ и капиталовъ и затѣмъ неблагопріятное отношеніе правительственныхъ сферъ ко всякимъ сношеніямъ ихъ съ Россіей. Главная вина тутъ лежитъ все-таки на насъ, на косности и непредпріимчивости и отчасти недостаточной просвѣщенности нашихъ книгопродавцевъ и издательскихъ фирмъ. Лишь въ послѣднее время стали завязывать дѣла и сношенія со славянскими книгопродавцами, по крайней мѣрѣ въ главныхъ культурныхъ славянскихъ центрахъ, наиболѣе просвѣщенные и энергичные дѣятели нашего книжно-торговаго и издательскаго дѣла. Будемъ надѣяться на успѣхъ ихъ начинаній. Необходимо однако, чтобы и наиболѣе видные представители этого дѣла въ Прагѣ, Загребѣ, Бѣлградѣ, Любляпѣ, Новомъ Садѣ, Софіи, Краковѣ и Львовѣ etc.—сочувственно откликнулись на этотъ починъ и присоединили бы и свои усилія и средства для организаціи постоянныхъ, правильныхъ и быстрыхъ книгопродавческихъ сношеній между Россіей и славянскими землями. Можно пожелать еще, чтобъ эти дѣятели и у славянъ и у насъ были хоть нѣсколько одушевлены самой идеей этой славянской взаимности на книжномъ полѣ, чтобы они прониклись убѣжденіемъ въ неизмѣримой духовной пользѣ своего дѣла, а не смотрѣли бы на него исключительно со стороны матеріальной выгоды... Мы увѣрены, что между ними могутъ найтись и такіе, которые въ данномъ случаѣ не остановятся передъ извѣстнымъ рискомъ и жертвами, неизбѣжными во всякомъ новомъ предпріятіи... Въ дѣлѣ книжнаго обмѣна со славянами могли вы оказать не мало услугъ и русскія ученыя и литературныя общества и учрежденія, а также періодическія изданія, доныпѣ совсѣмъ объ этомъ не заботившіяся, не говоря уже о славянскихъ благотворительныхъ обществахъ, въ задачи которыхъ прямо входитъ такая дѣятельность.

4) При той силѣ и вліяніи, какими въ наши дни пользуются *періодическая печать и журналистика*, само собой понятно, что отъ отношенія этихъ просвѣтительныхъ двигателей къ развитію у насъ славянскихъ изученій будутъ много зависѣть успѣхи послѣднихъ и ихъ популяризаціи въ образованной массѣ общества. До послѣдняго времени славяновѣдѣніе не было избаловано вниманіемъ нашей журналистики и ежедневной печати. Въ этомъ отношеніи было лишь немного отрадныхъ исключеній. Но нынѣ и въ этой сферѣ какъ-будто чувствуется благопріятный поворотъ. Въ большихъ журналахъ и ежемѣсячникахъ нашихъ

стали чаще появляться переводы со славянскихъ языковъ и литературныя славянскія извѣстія, а въ газетахъ русскихъ оригинальныя корреспонденціи изъ славянскихъ земель [1]).

Надо надѣяться, что интересъ къ славянству въ нашей періодической печати будетъ постепенно возрастать и она воспользуется своимъ мощнымъ вліяніемъ, чтобъ содѣйствовать популяризаціи славянскихъ спеціальныхъ изученій въ русской литературѣ и обществѣ.

Наконецъ, въ 5) я хотѣлъ бы указать еще на одинъ плодотворный путь къ достиженію тѣхъ цѣлей, о которыхъ идетъ рѣчь. Этотъ путь, правда, всѣмъ доступенъ, но чтобы онъ не оставался заброшеннымъ, какъ это было до сихъ поръ, надо, чтобъ нашлись люди и средства для его облегченія и, если можно сказать, проторенія. Я разумѣю *непосредственное, личное ознакомленіе нашего общества со славянами, съ ихъ землей, народомъ и жизнью.* Почему русскіе люди такъ охотно посѣщаютъ западно-европейскія страны: Германію, Францію, Швейцарію, даже Англію и Италію, и совсѣмъ почти не посѣщаютъ земель своихъ соплеменниковъ: чеховъ, поляковъ, сербо-хорватовъ, словинцевъ и словаковъ, — земель чрезвычайно живописныхъ и богато одаренныхъ природой [2]), къ тому же не менѣе культурныхъ и благоустроенныхъ? Конечно, — по старой, установившейся привычкѣ и потому, что они совершенно не знаютъ послѣднихъ, да и до сихъ поръ слишкомъ мало ими интересовались... Между тѣмъ того, кто разъ побывалъ въ чудныхъ, еще нетронутыхъ еврейско-меркантильной эксплоатаціей славянскихъ горахъ и долинахъ Чехіи или Моравіи, Венгріи, Хорватіи, или Крайны и проч. и познакомился съ гостепріимствомъ славянскаго населенія и съ его особеннымъ радушіемъ къ намъ— русскимъ, съ тихой, патріархальной, благоустроенной обстановкой жизни въ этихъ мѣстахъ и сравнительной ея дешевизной,—того всегда будетъ снова тянуть въ эти родныя страны... Итакъ необходимо сдѣлать возможное, чтобъ привлечь сюда волну русскихъ сочувствующихъ славянству

---

[1]) Не можемъ не отмѣтить здѣсь недавняго факта искренно порадовавшаго всѣхъ друзей славянства. Одна распространенная русская газета, впрочемъ всегда отличавшаяся славянскими сочувствіями и будившая наше славянское самосознаніе, нынѣшней осенью печатала *одновременно* рядъ дѣльныхъ и интересныхъ корреспонденцій изъ славянскихъ земель нѣсколькихъ (кажется 4-хъ) своихъ сотрудниковъ. Сколько новаго и поучительнаго дали эти статьи русскому читателю, мало посвященному въ славянскія дѣла и отношенія! И какое хорошее, ободряющее впечатлѣніе должно было производить это вниманіе русской печати на нашихъ соплеменниковъ!

[2]) Въ нихъ много и водолѣчебныхъ и такъ называемыхъ нѣмцами „воздухолѣчебныхъ“ мѣстъ чисто-славянскаго характера.

туристовъ и любознательныхъ путешественниковъ. А для этого должны быть изданы толковые и достаточно подробные *Путеводители* по всѣмъ славянскимъ землямъ на русскомъ языкѣ и на мѣстныхъ славянскихъ, въ каковыхъ давно уже чувствуется надобность. Это полезное дѣло могли бы также принять на себя наши Славянскія Общества, но кромѣ того должны бы позаботиться объ этомъ и сами западные славяне, такъ какъ привлеченіе къ себѣ въ гости русскихъ братьевъ—прямой ихъ интересъ во всѣхъ отношеніяхъ...

Итакъ вотъ главные пути и средства къ постепенному осуществленію той, по моему мнѣнію, большой и важной задачи, разъясненію которой я посвятилъ настоящія страницы. О нихъ можно бы, конечно, сказать еще очень и очень много, но моя цѣль состояла не въ томъ, чтобы исчерпать до конца предметъ, а въ томъ, чтобы обратить на него, наконецъ, ту долю общественнаго и правительственнаго вниманія, какую онъ поистинѣ заслуживаетъ.

БИБЛІОТЕКА МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

Труды и изданія того же автора:

Извѣстія Константина Багрянороднаго о Сербахъ и Хорватахъ. Спб. 1880. Ц. 1 р. 25 к.

Моравія и Мадьяры съ пол. IX до нач. X в. Спб. 1881. Ц. 2 р. 50 к.

О пути Мадьяръ съ Урала въ Лебедію. 1883.

Лондонскія замѣтки. Варш. 1887. Ц. 25 к.

Изъ исторіи Угріи и Славянства въ XII в. Варш. 1889. Ц. 3 р.

Поминки по І. І. Первольфѣ. Варш. 1892. Ц. 30 к.

Мадьяры и Славяне въ прошломъ. Варш. 1893. Ц. 25 к.

Михаилъ Горникъ. Спб. 1894.

Нѣсколько писемъ кн. П. А. Вяземскаго къ П. А. Плетневу. Спб. 1897.

Паденіе земскаго строя въ чешскомъ государствѣ. Критическій отзывъ о кн. А. Ясинскаго. Спб. 1899.

Къ перепискѣ Н. В. Гоголясъ П. А. Плетневымъ (неизданныя письма). Спб. 1900.

Изданія: „Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ“. Спб. 1896. Три тома, 3 р. томъ.

„Труды Я. К. Грота“:

I. Изъ Скандинавскаго и Финскаго міра. Спб. 1898. Ц. 3 р.

II. Филологическія Разысканія. Спб. 1899. Ц. 3 р.

III. Очерки изъ исторіи русской литературы. Спб. 1901. Ц. 3 р.

„Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники“. Статьи и матеріалы Я. К. Грота. Спб. 1899. Ц. 1 р. 25 к.

„Фритіофъ, скандинавскій витязь“, поэма Тегнера, перев. Я. Грота. Спб. 1898. Ц. 75 к.

Цѣна **60** к.

2007041091